

La Luna

Привлекающая ТЬМОЙ

Роднялись здесь однажды,
ты больше не сможешь выйти.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КРУГ ТРЕТИЙ. КЛАТВА ЖИЗНИ

18+

la luna

Привлекая тьмой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64067721

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97684-9

Аннотация

Ярость – это то, что я испытываю на протяжении всей своей жизни. Она сильнее злости, она не поддаётся управлению, в отличие от гнева. Гнев – это то, с чем мне приходится ложиться спать. Это всего лишь отголосок, пыль под ногами. Утрата самоконтроля – то, чем я страдаю с самого детства. Я так и не научился полностью контролировать свои эмоции, лишь временами я мог совладать с собой. Каждый раз, когда я чувствовал, что мои нервы на пределе, что вот-вот взорвусь и сожгу себя изнутри, приходила она. Ярость давала мне то, чего не мог дать ни один наркотик. Наслаждение. Кровь закипает, приводя разум в экстаз. Ты больше ничего не понимаешь, это опьяняет больше, чем любой алкоголь. Это разрушало меня. Репутация нашей преступной организации была худшей из всех. В нашем мире это означало одно: держаться от нас следует подальше. Получал ли я кайф от своего же дерьма? Ну что сказать? Да, я наслаждался. Добро пожаловать в мой тёмный мир, детки. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	49
Глава 5	72
Глава 6	90
Глава 7	117
Конец ознакомительного фрагмента.	127

la luna

Привлекающая тьмой

Пролог

Возгордилось сердце твоё из-за твоей красоты, тщеславие извратило твой разум, потому Я поверг тебя на землю, и на тебя глядят все царства.

Иез. 28:17

Тьма всегда завораживала меня, удерживая в своём плену, ярость помогала ей меня разрушать.

Ярость – это то, что я испытываю на протяжении всей своей жизни. Она сильнее злости, она не поддаётся управлению, в отличие от гнева.

Гнев – это то, с чем мне приходится ложиться спать. Это всего лишь отголосок, пыль под ногами.

Утрата самоконтроля – то, чем я страдаю с самого детства. Я так и не научился полностью контролировать свои эмоции, лишь временами я мог совладать с собой.

Каждый раз, когда я чувствовал, что мои нервы на пределе, что вот-вот взорвусь и сожгу себя изнутри, приходила она. Ярость давала мне то, чего не мог дать ни один наркотик. *Наслаждение*. Кровь закипает, приводя разум в экстаз.

Ты больше ничего не понимаешь, это опьяняет больше, чем любой алкоголь. *Это разрушало меня.*

Лишь иногда мой брат мог помочь мне держать себя в руках.

Мне было семь, когда он в первый раз дал мне в руки нож. Я помню, как провёл руками по лезвию, ощущая приятный скользкий по коже металл. Эта мелодия заставляла мою кровь бушевать и успокаиваться одновременно.

– Ты должен научиться управлять собой, иначе тьма проглотит тебя и ты не выберешься, брат.

Микеле был старше, холодный и рассудительный, это делало его непобедимым. Каждый раз, когда я смотрел на него, видел в нем нашего отца. Его самообладанию мог позавидовать любой дон.

– Тобой управляют эмоции, заставь это работать, Тони.

И я заставил.

Когда меня и моего старшего брата испытывали, тренируя различным изошрённым дерьмом, я позволял себе погружаться в ярость, это придавало сил и выносливости. Моё тело уже было настроено на боль, поэтому я перестал её чувствовать.

Когда я сам стал пытаться врагов и на смену ярости приходили их крики и мольбы, я наслаждался.

Наша мать опасалась того, кого породила. Она опасалась нас всех, в особенности меня. Донна Валентина говорила, что я самый опасный из всех, потому что у меня напрочь

отсутствует самоконтроль. Было ли это врождённым? Я не знаю, но кажется, я действительно с этим родился.

Если Рикардо был болен, то я был просто обречён.

Все мои пороки стали мне друзьями. Репутация нашей преступной организации была худшей из всех. В нашем мире это означало одно: держаться от нас следует подальше.

Получал ли я кайф от своего же дерьма? Ну что сказать? Да, я наслаждался.

Добро пожаловать в мой тёмный мир, детки.

– *Что вы чувствуете, когда причиняете боль человеку?*

– *Удовлетворение.*

– *Вам действительно становится легче?*

– *Определённо.*

– *Вы задавались вопросом почему?*

– *Нет, это дало бы ответы, которые мне не понравятся.*

– *Вы всегда делаете то, что хотите, но никогда не думаете о чувствах других. Вы хотите иметь контроль над всеми, но не хотите контролировать себя.*

– *Мне не нужен контроль.*

– *Но контролировать себя – это один из важных аспектов человеческой жизни. Если вы не контролируете себя, то вы просто безумец.*

– *Кто сказал, что безумцем быть плохо?*

Она посмотрела на меня, затем обвела что-то в блокноте и перелистнула страницу.

Глава 1

София

Когда моя мать умерла, мой сказочный розовый мир рухнул. Одинокая девочка с большими чёрными глазами так обо мне говорили люди вокруг. Каждый считал своим долгом подойти и пожалеть меня.

Моя тетя Магнелия с жалостью посмотрела на меня и погладила по голове своими костлявыми руками. Я задавалась вопросом, всегда ли они были такой странной формы или она такой родилась, а возможно, жестокая болезнь сгубила её красоту?

– Бедная девочка, ты теперь совсем одна. Сейчас тебе нужно научиться заботиться о себе самостоятельно.

Я хмуро посмотрела на неё и шмыгнула носом.

Затем она дала мне в руки какую-то книгу. Я развернула её лицевой стороной и прочитала название: «Библия». Зачем она дала мне её? Тетя печально вздохнула и прошептала что-то типа «бедняжка», оставляя меня стоять одну.

Мне совершенно не хотелось их жалости, я всего лишь хотела жить как раньше, но после смерти моей матери это стало невозможным. Я хотела убежать и закричать от боли, прячась под одеялом от всех этих любопытных глаз.

Больше не будет тёплых маминых рук, запаха её стирки и уютных вечеров. Она умерла от рака, когда мне было де-

сая, сгорела так быстро, что я не успела осознать. Мама была моим самым лучшим другом и опорой. После её смерти я выплакала столько слез, что, если бы они стали водой, я могла бы напоить бедных детей в Африке.

Мой отец Альфредо Герра являлся родным братом Витторио Герра, советника дона Джованни. Семья Морелло – они были хозяевами нашей организации и самими жестокими людьми в мафиозном мире. У дона Джованни было четыре сына, и старшие из них были особенно жестоки. Их имена старались не произносить слишком громко, мне всегда было интересно почему? Неужели они настолько ужасны? Я никогда не задавала этот вопрос, потому что была не слишком смелая и недостаточно взрослая.

Мой дядя Витторио был важной шишкой, из-за этого у моего отца было весьма хорошее положение в нашей организации. Я знала, что отец много трудился для этого, ничто не давалось ему легко, об этом говорила его седина в волосах, усталый вид и вечная сигарета во рту. Он никогда не говорил, но я знала, что он соперничал со своим старшим братом. Дядя был на ранг выше отца, а он не любил проигрывать, пусть даже своему родному брату. Их отношения были деловыми и холодными, в нашем мире не было места чувствам и безумной любви, но нас держали прочные семейные связи. На них и строилась наша великая и мощная организация. Кровь. Родство. Преданность. Чужакам здесь нет места. Замкнутый круг.

Отец женился во второй раз ровно через два года после смерти моей матери, и это, безусловно, стало ударом для меня. Кто был против новой жены моего папы, так это моя тетья Эмма, но как жаль, что она жила в Неаполе и была замужем за доном одной из важных ндрин, они редко приезжали к нам, только если что-то случилось. Отец и дядя Витторио редко общались с ней, они всегда были заняты работой и, честно говоря, считали её немного сумасшедшей. Тетья Эмма любила говорить загадками, одеваться в сиреневое и громко разговаривать за столом.

Виктория, новая жена моего отца, была просто отвратительной стервой, на пятнадцать лет моложе и казалась на сто лет глупее. Ее неизменно красные губы и жвачка во рту сводили меня с ума. Я даже купила себе игрушку-антистресс, это успокаивало меня, когда она пыталась играть на моих нервах.

Еще через год у меня появился брат Доменико. Мой Доменико. Несмотря на всю нелюбовь к его матери, он стал для меня самой большой отдушиной. Отец уделял много внимания моему брату, и я могла его понять. Он мальчик, а значит, дороже всех. Я никогда не бывала удостоена слишком большого внимания со стороны отца, но сейчас его вовсе не стало. Он бросил меня на саму себя, бросил в глубокую и холодную яму *одиночества*. Но даже к этому спустя некоторое время я смогла привыкнуть. У меня были двоюродные сестры-двойняшки Патриция и Изабелла. Одна добрая и неж-

ная, вторая сильная и волевая. Мы одного возраста с ними и поэтому были действительно близки, но, к сожалению, не настолько, чтобы закрыть эту ноющую дыру в моей груди. Я по-прежнему оставалась одна.

В моей скучной и обыденной жизни девочки из мафиозной семьи было только одно увлечение, моя страсть, которую никто не мог отобрать у меня. Это Aerial Dance – воздушные танцы на полотнах. Моя мама занималась этими акробатическими танцами в юности. Она отвела меня в Миланскую школу искусств, мечтая, чтобы крошка София пошла по её стопам. Тогда счастьем маленькой Софии не было предела. Моя тренер Мария возлагала на меня большие надежды, безуданно твердив, что я талантлива, как и моя мать, но поскольку я не могла ездить в другие страны и выступать с остальными танцорами, я оставила это только для себя.

Моя мачеха Виктория не раз говорила моему отцу, что этот вид танцев не для девушек из нашего общества и мне нужно запретить посещать Миланскую школу искусств. Она шептала ему на ухо, словно змея, запутывая его мысли. Нужно отдать ему должное, отец не стал слушать ее. Эта стерва пыталась отобрать у меня то, что я люблю больше всего, но ей пришлось отойти в сторону.

Также одним из немаловажных аспектов моей скучной жизни было посещение католической церкви. Как и все члены общества, отец был истинным католиком и верил в Бога, несмотря на все издержки его работы. В 2014 году папа

римский во время своего визита в Калабрию, которая являлась сердцем Ндрангеты, заявил, что последователи Ндрангеты будут отлучены от Римско-католической церкви. Он говорил: «Те, кто в своей жизни следует по пути зла, как это делают мафиози, не имеют ничего общего с Богом. Они отлучены от церкви». Но никому не было дела до его слов. Ндрангета возводила храмы и не переставала поклоняться своим святым, в особенности нашему покровителю Михаилу Архангелу.

Мы верили в Господа, и никто в церкви не мог сказать и слова против, потому что все так или иначе были каким-то образом причастны к нашей организации. Даже падре Альберто, который стал мне кем-то вроде друга, относился к нам, хотя и служил верой и правдой Господу Богу. Было ли это странно и абсурдно? Возможно. Но кто я такая, чтобы судить? Если спросите меня, я приходила в церковь по воскресеньям, потому что там я находила успокоение и молилась о душе моей покойной матери. Я любила Библию и все библейские рассказы в ней, это было похоже на сказки, а я в них отчасти верила.

Я была обычной девушкой из традиционной мафиозной семьи, которая плывет по течению, заданному моим отцом. Вот так и проходит моя жизнь, практически в одиночестве и скорби по непрожитым дням вместе с моей матерью.

Меня зовут София Герра.

Добро пожаловать в мой разрушенный мир.

Ибо возмездие за грех – смерть, а дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем.

Рим. 6:23

– София, твой отец зовёт тебя, он у себя в кабинете.

Я собиралась на тренировку, когда Маринелла, наша экономка, зашла в мою спальню. Хорошая женщина, которая была мне очень близка ещё до смерти матери. Я выросла у неё на глазах. Маринелла обожала мою покойную мать и не любила стерву Викторию так же сильно, как и я. К сожалению, моя Маринелла была слишком старых правил, чтобы проявить неуважение к своей госпоже. А жаль, у меня была пара интересных идей, как досадить ей.

– Что-то случилось? – спросила я, сидя перед зеркалом и расчёсывая свои длинные, до пояса чёрные волосы, которые были в точности как у моей покойной матери.

– Я не знаю, но выглядит он весьма обеспокоенно.

– Небось Виктория снова пожаловалась на меня? Хорошо, я сейчас спущусь.

– Поторопись, детка.

Я положила на туалетный столик любимую расчёску моей мамы, которую я сразу же забрала себе после её смерти. Она была своего рода драгоценностью для меня. Каждый день перед зеркалом я расчёсывала каждую сторону своих волос по пятьдесят раз, как это когда-то делала моя мама.

Сейчас её спальня была закрыта, и никто, кроме меня и Маринеллы, не заходил туда. Виктория хотела прибраться к рукам каждый сантиметр нашего дома и поэтому, конечно, показывала своё негодование отцу, желая забрать и спальню моей матери. Она бы, наверное, устроила там свою гардеробную для ужасно безвкусных платьев или ещё какую-нибудь ерунду, но как хорошо, что отец не дал ей свободу действий.

Я встала со стула и, взглянув на себя последний раз в зеркало, вышла.

Спускаясь по мраморной лестнице нашего большого дома, я слышала, как из кабинета доносятся голоса, подойдя ближе, я поняла, что это отец и Виктория. Я встала перед коричневой деревянной дверью и выдохнула, прежде чем постучать и войти.

– Отец?

– Проходи, дочка, – он выглядел встревоженным, и его седые волосы были зачёсаны назад не так аккуратно, как обычно.

Я посмотрела на стол: отец выкурил слишком много сигарет, вся его пепельница была переполнена окурками, а кружка с кофе была допита. К слову, отец ненавидел кофе и пил его крайне редко и только в моменты, когда сильно нервничал. Значит, дела плохи.

Я подошла ближе и села в кресло, напротив.

Виктория крутилась возле отца, вид у неё был такой же напряженный. В голову начали закрадываться совсем непри-

ятные мысли.

– Я слушаю, отец.

– Дочка, – он выдохнул. – Мне тяжело об этом говорить, но случилось кое-что действительно ужасное.

Сердце застучало сильнее.

– Ты меня пугаешь.

Я посмотрела на Викторию:

– Где Доменико, с ним все в порядке?

– С моим сыном все хорошо, – быстро ответила Виктория, стреляя в меня ядовитым взглядом.

– Нет, твой брат в порядке, дело в Патриции.

Я удивилась:

– Неужели она отказалась от замужества?

Вчера вечером состоялась помолвка моей кузины, но мы не были приглашены, если быть точным, никто из нас не был приглашён, так предпочли Морелло. Вчера вечером я отправила сестре СМС, но она его даже не прочитала. Я подумала, что, скорей всего, у неё не было на это времени. В сообщении говорилось, что я рада за неё и желаю обрести настоящее счастье в лице жениха.

Конечно, я была наслышана о братьях Морелло и прекрасно знала, кем они являлись, и даже несколько раз видела их красивые, но пугающие фотографии в интернете. Но лично с ними я не была знакома, поэтому выводы делать не стала. Прошло много лет с тех пор, как я что-то слышала о них. Отец не хотел, чтобы я находилась в окружении «мафиозных

волков», как он любил выражаться, но поскольку мне недавно стукнуло восемнадцать, отец дал понять, что теперь я буду обязана посещать все праздники и события, предстоят в ближайшее время.

Девушка, которая достигла брачного возраста, обязана ходить по таким мероприятиям. А теперь, когда дядя Витторио выдаёт замуж Патрицию за самих Морелло, мой отец также горел желанием выдать меня за кого-то стоящего. Я искренне надеялась, что Микеле Морелло составит достойную пару моей нежной сестре и не сломает её прекрасные крылья, но это, конечно же, были только надежды.

Отец позвал меня по имени, возвращая в реальность.

– София, – он встал и подошёл ближе ко мне, проводя своей рукой по моим волосам и задерживая на них взгляд.

Я знала, что в этот момент он вспоминал маму – наши волосы были одинаковы. Он тяжело выдохнул:

– Патриция совершила самоубийство.

Мои уши словно оглушило. Как одно слово или один миг может настолько перевернуть все вокруг? В глазах потемнело, и из моего горла вырвался крик ужаса. Я стала задыхаться, вставая с кресла.

– Что ты говоришь, отец? – я замотала головой, не веря. – Она не сделает такого! Этого не может быть.

Отец положил свою руку мне на плечо. Я проследила за этим жестом, словно находясь под гипнозом.

– София, успокойся, я знаю, что ты любишь своих кузин,

и поэтому мне действительно тяжело тебе сообщать эту новость, но это так. Патриция мертва.

Мои глаза застыли в моменте. Я медленно села обратно в кресло и заплакала. Горячие слёзы обжигали мою кожу, я не хотела верить в сказанные им слова.

Как же она могла так поступить с собой? В голове было множество вопросов и уйма недопонимания. Конечно, я знала, что она была ранима и нежна, но не настолько, чтобы покончить с собой, это просто не укладывалось у меня в голове. Здесь было что-то ещё.

– Но почему! Почему она так поступила? Отец, если ты что-то знаешь, прошу, скажи мне!

– Никто ничего не знает, – сказала Виктория. – Но уверена, это из-за предстоящей свадьбы. Твой брат Витторио кинул ее волкам на съедение, Альфредо, и бедняжка не смогла пережить этого, – она состроила наигранно печальное лицо, лопнув розовый бабл-гам.

Я моргнула от хлопка.

– Возможно, так и было, Виктория, даже не представляю, что чувствует сейчас мой брат.

– Отец, мы должны поехать к ним. Белла, я должна поддержать её.

Отец покачал головой.

– Витторио не хочет никого видеть, только что там были Морелло. Патриция была наполовину их ответственность.

– Что они будут делать?

– Они будут расследовать, Лоренцо был с ними.

Я зажмурила глаза. Слезы текли по щекам, обжигая мою кожу.

– Иди к себе, дочка, и постарайся успокоиться. Когда будут похороны, ты должна будешь поддержать свою кузину.

Я встала и на ватных ногах поплелась наверх, не смотря по сторонам. Возле своей комнаты я наткнулась на своего младшего брата.

– Доменико, дорогой, я не заметила тебя, прости.

Я присела и обняла его.

– Почему ты плачешь, сестра? – он вытер мои слёзы своими ручками.

Я проигнорировала его вопрос.

– Ты шёл вниз?

Он нахмурился.

– Тебя кто-то обидел! Снова моя мама?

– Нет, – я улыбнулась ему и поцеловала в щеку. Для своих лет он был очень умный мальчик.

– Папа и твоя мама внизу, иди завтракать, я скоро подойду.

– Хорошо, – поцеловав меня, он побежал вниз.

Я зашла в свою комнату, схватила своего любимого плюшевого медведя по имени Тед, которого мне подарила мама в прекрасный летний день на ярмарке, и легла на кровать, плача по сестре.

Сначала мама, теперь Патриция. Боже, Белла... как ей

должно быть плохо сейчас. Рафаэле и Адриана должны поддержать ее, иначе это будет сложно для неё. Я даже не могу позвонить ей – у кузины не было телефона. Дядя Витторио не разрешал им иметь его.

Как жесток этот мир, она не должна была так с собой поступать!

На столике завибрировал телефон, я встала и посмотрела на экран. Это мой преподаватель и тренер Мария. Я сбросила звонок, не в состоянии ответить на него. Трясущими пальцами я набрала сообщение, предупредив, что сегодня меня не будет в школе искусств.

Я подошла к окну и села на подоконник. Погода была дождливая, несмотря на то что июнь обычно небогат на дожди. Небо оплакивало мою сестру, превращая утро в ночь. Мама всегда говорила мне, что Господь забирает лучших к себе, а моя мама и Патриция на самом деле были лучшими душами. Лучше, чем многие из нас.

Глава 2

Тони

– Поговорим о грехах?

– Что вы подразумеваете под грехами, док?

– Все человеческие пороки.

– Каждый человек грешен.

– Какой тогда ваш грех?

– Вы хотите спросить, каким преобладаю я?

– Да.

– Тщеславие определённо мой любимый из всех.

– А ваш, синьора, какой из пороков ваш?

Она заправила прядь за ухо.

– Мы говорим не обо мне.

– И все же?

Она посмотрела на меня – в её глазах был только один порок, и мы оба понимали какой.

– Синьор Микеле, синьор Антонио, тело уже привезли в церковь.

– Хорошо, Альберто, займите свои места.

Мой брат был мрачен в связи со смертью его невесты, не сказать что он или я были сильно расстроены этим происшествием, но чувство собственности преобладало в нашей семье. Мы привыкли видеть смерть почти каждый день и не

обращать внимания на данный факт, но, как сказал мой брат, она была молода.

Церковь уже была забита людьми из организации.

– Соболезную вам, молодые люди, – синьор Альфредо – брат Витторио подошёл к нам, чтобы выразить свои соболезнования.

– Спасибо, Альфредо.

– Никто не знает, когда мы покинем этот бренный мир, но печально, когда уходят такие молодые. Да упокоит Господь её душу.

– Мы соболезнуем и вам, это была ваша племянница.

– Да, она была словно ангел.

Когда гроб занесли, семья погибшей подошли ближе, и на их лицах была агония и горе. Вся эта атмосфера жутко раздражала меня.

– Я выйду покурить, пришли за мной Данте, если что-то понадобится.

Я прохлопал брата по плечу и вышел на задний двор церкви, поджигая сигарету и затягиваясь.

Над небом сгустились тучи, вокруг все потемнело, и запах надвигающегося дождя ударил мне в нос. Мне нравился этот запах, было в нем что-то мрачное.

Какое-то мурчание возле моих ног отвлекло меня. Опустив глаза, я увидел, что ко мне подошла белая кошка и стала тереться об мои ноги. Черт! Ненавижу кошек. Я смахнул её от себя ногой, и она зашипела в протесте.

– Эй, что вы делаете? Ей же больно!

Я услышал, как кто-то наехал на меня.

Опустив глаза вниз, я увидел, что какая-то девчонка с длинными чёрными волосами схватила кошку, прижимая к себе.

– Не смертельно, – протянул я.

Она подняла свои большие карие глаза вверх и увидела меня, на её бледном, но милом лице моментально появился ужас и паника. Я улыбнулся клыками.

Раскат грома и молнии прошли по небу, освещая темноту.

– Бу!

Она шумно втянула воздух ртом и, подскочив с места, умчалась в церковь вместе с кошкой на руках. Я рассмеялся.

– Блядь.

Докурив, я выкинул окурок в сторону и зашёл внутрь.

Все уже заняли свои места перед гробом. Я сел рядом со своей семьёй.

– Ты долго, уже хотел идти за тобой.

– Данте, ты слишком привязан ко мне, братик, может, уже найдёшь себе подружку и отвалишь от меня?

Он усмехнулся.

Я повернул голову направо и заметил, что та самая защитница кошек стоит рядом с Альфредо. Она, похоже, почувствовала, что я смотрю на неё, потому что занервничала, оглядываясь, пытаюсь отыскать источник её жжения на себе. Её большие карие глаза нашли мои, и они уставились на меня

с тем же ужасом, что и на улице. Затем её взгляд скользнул по всей моей семье, к ней пришло осознание и снова страх.

Я усмехнулся, подмигнув ей, девушка испугалась и быстро спряталась за своим отцом. Мне хотелось рассмеяться, но вспомнив, для чего я здесь, решил отложить своё веселье на потом.

После долгих и нудных похорон мы наконец приехали в пентхаус Микеле. Я налил себе и братьям выпить, прежде чем решил разузнать.

– У Альфредо есть дочка? Не знал, – протянул я, улыбаясь.

Микеле прищурился на меня.

– Неудивительно, ты не интересуешься такими вещами, Тони.

– А она ничего, – усмехнулся я.

– Что ты хочешь сказать?

– Возможно, мне следует познакомиться с ней поближе.

Микеле улыбнулся, допивая остаток алкоголя.

– Она вроде не в твоём вкусе, Тони, и она дочка одного из наших преданных людей, не думаю, что это стоит того.

– Ты хочешь помешать моему веселью, брат? Когда ты стал против развлечений?

Данте зашёл в кабинет, как всегда, без рубашки.

– Вот спроси у этого грёбаного нудиста.

Я кинул в Данте зажигалку, попав ему прямо в голову.

– Что может быть веселее и привлекательнее, чем девоч-

ка-недотрога?

– Во-первых, ты идиот, Тони, а во-вторых, о ком ты говоришь?

– О дочке Альфредо.

– У него есть дочь?

– Вот и я не знал.

– Я знал, Альфредо прятал её от посторонних глаз, от таких, как мы, Тони, и поэтому не брал с собой на мероприятия нашей организации. Девушка ходит в церковь по воскресеньям и прилежно учится. Но если тебе хочется снова кого-то сломать, ты можешь, но советую хорошенько подумать перед этим.

– Ты просто дьявол, Тони, – усмехнулся Данте.

– А ты, полагаю, добропорядочный итальянский сеньор?

– Все ложь, кроме «итальянский».

– Я не заинтересован, брат, если ты об этом. Недотроги не в моем вкусе, я предпочитаю что-то погорячее.

Микеле улыбнулся нашей фирменной улыбкой.

– Ну-ну, посмотрим.

Всякий, кто призовет имя Господне, спасётся.

Рим. 10:12

София

Сегодняшний день был просто ужасен, давно я не испытывала такой глубокой скорби, как сегодня. Белла была в пол-

ном беспорядке, и конечно, я попросила ее позвонить мне и встретиться, когда она будет готова, но была не уверена, что она захочет. Я не хотела давить на неё и навязывать себя, но мне так хотелось помочь ей и разделить с ней боль утраты.

Набрав полную ванну тёплой воды, я медленно погрузилась в неё с головой, задерживая дыхание. Я часто так делала, не знаю зачем, но я любила находиться под водой. Будто весь мир перестаёт существовать, и ты слышишь только приглушённый шум воды и свои мысли. Со временем я научилась задерживать дыхание около минуты, но моя цель была продержаться дольше минуты. Когда прошло около тридцати секунд, в голову пришла моя сестра Патриция, её бледное и красивое, как мрамор, лицо, золотые волосы и навечно закрытые зелёные глаза. Мое сердце сжалось от боли. Затем я почувствовала, как мои веки начинают дрожать. Его лицо сверкало в свете молнии, гром расколол небо пополам, его белые клыки сияли, обнажая безупречную улыбку. Я резко вынырнула, делая глубокий вдох.

– Господи! – произнесла я вслух.

Этот человек был действительно опасен. Вся семья Морелло была такой, но Антонио Морелло был просто ужасен. Вы не захотите столкнуться с ним в темном переулке, потому что он может вас съесть или в лучшем случае запугать до смерти. Я никогда в жизни не ощущала такую всепоглощающую интенсивность взгляда на себе, как сегодня в церкви. Его присутствие было осязаемым настолько, что я вспотела.

При достаточно тёплой воде в ванне у меня пошли мурашки по коже. Мне необходимо выпить лекарство, чтобы успокоиться.

Встав из ванны и высушив волосы полотенцем, я достала одну успокаивающую таблетку и положила себе в рот, запив обильным количеством воды. Я часто прибегала к этим таблеткам, они делали этот мир лучше для меня. Мне так было спокойней.

Послышался стук в дверь.

– Войдите.

Мой братик заглянул ко мне в комнату.

– Можно к тебе?

– Конечно, Доменико, иди сюда.

Я похлопала рукой по кровати рядом с собой.

Он быстро закрыл дверь и побежал ко мне.

– Давай посмотрим мультики, сестра.

Я обняла его и поцеловала в щёчку.

– Какие ты хочешь?

– Дисней.

– Отлично, у меня было загружено несколько интересных.

Так, давай посмотрим, что у меня есть. Вот этот подойдёт?

– Да! – весело воскликнул он.

Мой маленький и пока ещё безобидный мальчик, как бы мне хотелось, чтобы он всегда оставался таким невинным, но боюсь, это невозможно. Рано или поздно ему придётся познать всю жизнь мафии сполна.

После просмотра мультика Доменико начал засыпать.

– Давай я отведу тебя в комнату, иначе твоя мама будет ругаться, ты же знаешь, она не любит, когда ты засыпаешь у меня.

– София, пожалуйста, я хочу остаться с тобой.

– Нельзя, дорогой, пойдём, не будем расстраивать твою маму.

Он буркнул себе что-то под нос, но всё же встал и поплёлся за мной.

Я взяла его за руку и отвела в его красивую мальчишескую комнату, где всё было увешано плакатами машинок и раскидано огромное количество игрушек.

– Ложись в кровать, хочешь, я тебе прочитаю?

– Мама никогда мне не читает, только ты.

Я улыбнулась ему.

– Просто твоя мама очень занята с нашим отцом, на ней много ответственности, и кстати, у тебя под рукой всегда есть я, верно?

Я подмигнула ему.

– Да, – Доменико улыбнулся самой милой детской улыбкой.

– Закрывай глаза и слушай. Сейчас ты попадёшь в самый красивый сказочный мир, где рыцарь по имени Доменико победил всех чудовищ и спас красавицу принцессу.

– Принцессу звали София?

Я усмехнулась.

– Хорошо, мой дорогой. Рыцарь Доменико спас принцессу по имени София от страшного чудовища.

Глава 3

Тони

– *Вы верите в Бога?*

– *Да.*

– *Но не следуете десяти заповедям?*

– *Я верю, но не значит, что верую. Это разное.*

– *Значит, вы предпочитаете жить, но не предаваться вере.*

Я улыбнулся.

– *Бог любит играть с людьми, а потом бросает их, когда ему становится неинтересно.*

– *У вас на всё есть свой собственный ответ.*

– *У меня нет ответа только на один вопрос.*

– *Какой же?*

– *Как Христова кровь может превращаться в вино?*

– Ты просто чудовище.

Русский ублюдок стоял на коленях после моих ударов по его челюсти и выплевывал кровь, ну и заодно несколько зубов.

– Смотри, кажется, ты потерял зубы, пока я выбивал из тебя все дерьмо. Может, тебе проще рассказать мне все свои секреты?

– Вы всё равно не сможете добраться до Виталия.

Он выплюнул кровь изо рта, извергая из себя русскиеругательства.

Я присел на корточки рядом с ним.

– Конечно не доберёмся, и знаешь почему? Он сам придет к нам. К тому же по своей воле.

– Лучше убей меня, больше я тебе ничего не скажу, итальянский ублюдок.

Я вздохнул и поднялся на ноги.

– Всегда одни и те же слова: «Я вам ничего не скажу, лучше убейте меня, итальянский ублюдок». Похоже, ты просто невоспитанный русский. И к чему столько слов, если ты знаешь, что умрешь? Ты бы мог облегчить себе боль.

– Он отомстит за нас. Отомстит!

Я покачал головой.

– Сомневаюсь, Николай, у вас нет братства, и Виталию глубоко плевать на вас. Черт, вы каждый день дохнете как мухи от наших рук, это давно должно было стать для вас уроком. Но вы слишком архаичны в своих суждениях.

Я достал свой калабрийский нож и посмотрел на его острое, как жало, лезвие.

– Последнее слово?

Он кроваво улыбнулся и плюнул мне в ноги.

– Ты промазал.

Подняв его с колен, одним мощным ударом я воткнул ему нож в грудь по самую рукоять, затем наклонился к его уху:

– Добро пожаловать в ад, Николай.

Всхлип.

Медленно я вытащил свой окровавленный нож из груди ублюдка, наблюдая, как его душа покидает тело. Это был мой самый любимый момент, он будоражил мою собственную кровь. Одним тяжёлым грузом он упал на бетонный пол. Мои руки и одежда были в крови, я перешагнул через него и, присев, вытер нож о его рубашку.

– Почему у них всегда так много крови?

Данте зашёл в камеру, где мы обычно пытали. Мой братишка был одет как долбаный пижон, от него, как всегда, доносился шлейф дорогого парфюма.

– Не знаю, они слишком быстро умирают. Я не успеваю спросить, братик, но не скажу, что это сильно меня интересует.

Данте усмехнулся, подходя ближе.

– Он ещё что-то сказал?

– Нет.

– Тогда мы должны сообщить брату.

– Я сейчас поеду к нему, братишка, ты со мной?

– Нет, мне нужно ехать в зал, готовиться к бою.

– Рик с тобой?

– Да, я присмотрю за его задницей.

– Хорошо, что нянька ты, а не я, Данте.

Я прохлопал его по плечу окровавленной рукой, пачкая его белую рубашку.

– Чёрт, Тони, я теперь тоже в этом дерьме!

Данте ненавидел пачкаться, хотя и делал это регулярно, единственный в своём роде убийца-педант. Я рассмеялся.

– Я в душ, и не ходи за мной.

– Пошёл ты, я поехал.

На нашем резиноперерабатывающем заводе имелась камера пыток, где мы обычно и выбивали всю информацию из ублюдков и в конечном итоге убивали их, поэтому я и приказал установить здесь душ.

– Альберто, Джени, здесь нужно хорошенько прибрать, позовите кого-нибудь из девочек.

– Хорошо, босс, его похоронить с остальными?

Я улыбнулся.

– Закопайте его поглубже, он мне не очень понравился, скучный какой-то и неразговорчивый.

Они переглянулись между собой.

– Понял, босс, значит, как обычно.

Я зашёл в кабинку и включил горячую воду, почти кипятком, такой, что моя кожа становилась красной от такого градуса. Я почти не чувствовал тепло, была ли это ещё одна извращённая особенность во мне? Понятия не имею, но я всегда ненавидел холод.

Мой телефон зазвонил.

– Чёрт, да?

– Ты где?

– Я в душе, скоро выезжаю к тебе.

– Он что-то сказал?

– Нет, он был пешкой.

– Хорошо, я жду тебя, есть дела.

– Когда их не было?

Положив трубку, я прислонился лбом к холодной плитке, наблюдая, как кровь закручивается, стекая в водосток.

Вскоре я выехал в пентхаус моего брата в центре Милана, где Микеле уже ждал меня для разговора. Мой брат стоял возле панорамных окон и рассматривал что-то в небе. Я подошёл ближе и, подняв голову, тоже посмотрел на чёрное небо.

– Позвал меня, чтобы вместе посмотреть на звёзды, или что-то случилось?

Микеле повернулся ко мне, засунув руки в карманы.

– Я не люблю романтику, так что разочарую тебя. Отец и я пришли к решению, что мне необходимо жениться на второй дочке Витторио, и мне нужно, чтобы ты лично организовал хорошую защиту для неё.

Я упал в кресло, улыбаясь.

– Боишься, что она сбежит от тебя? Не так ли, братик?

– Скорей, не хочу, чтобы кто-то трахнул её первым.

– Говоришь, совсем никакой любви? – я склонил голову набок. – Как печально.

Закинув руки за голову, я сверлил его взглядом, зная, что это ни хрена не простое желание трахнуть её. Девушка понравилась ему: я видел, как мой брат смотрел на неё в тот день в церкви. Другая девушка из церкви промелькнула в

моем сознании.

– Слишком много болтаешь, Тони.

Он налил нам выпить.

– Так, когда свадьба?

– Через месяц-два, до этого времени нам нужно решить вопрос с Виталием, мне не нравится, что его собаки разгуливают по нашей территории. Эти чёртовы Морозовы стали занозой в заднице.

– Сколько бы их ни было, я никогда не устану резать их глотки.

Он щёлкнул зажигалкой, закуривая.

– Данте. Ты говорил с ним?

– Он слишком сосредоточен на своих боях, брат, Рик, похоже, идёт по его стопам.

– Сейчас это то, что необходимо им обоим, пока не время, Тони, мы можем делать всю самую грязную работу сами.

– Данте не может оставаться в стороне, Микеле, его час давно пришёл, и он больше времени должен уделять делам общества.

Микеле сел напротив меня.

– Данте отличный убийца и в нужное время он сделает то, что должен. Ты же знаешь это, Тони, другое дело – Рик.

– Я присматриваю за ним, этот засранец очень умён для своих лет. Я вижу, как он ждёт не дожждётся прикончить кого-нибудь.

– Он уже убивал ранее, но из-за его болезни ни хрена не

помнит. Чем дольше наш отец его сдерживает, тем больше это может причинить ему вреда.

– Осталось немного, и он столкнётся с этим, это неизбежно, и таблетки дока действительно помогают справиться с этим дерьмом, возможно, это смягчит падение. Приступов нет, сон спокойный.

– Продолжай не спускать с него глаз, Тони, я хочу знать малейшее изменение в его поведении.

– Хорошо, об этом можешь не беспокоиться.

– Вернёмся к вопросу о свадьбе.

Я встал с кресла.

– Скольких подружек невесты я могу трахнуть за своё хорошее поведение?

Микеле усмехнулся.

– Ни одной, Тони.

– Но это же несправедливо, я тоже хочу попробовать итальянскую благородную девственницу у себя на члене.

– Тогда тебе придётся жениться на одной из них или трахнуть кого-нибудь извне.

Я показал ему средний палец:

– Этому не бывать.

– Я серьёзно, Тони, ты не можешь трахать всех подряд на свадьбе, попридержи свой член у себя в штанах хотя бы на один день.

– Не могу обещать, брат.

– Тогда будешь расплачиваться за долбанные последствия

самостоятельно.

– Ты стал скучным, когда решил жениться.

– Просто это ты очень весёлый, Тони, иногда даже слишком.

– За это ты меня и любишь, братик.

Я подмигнул ему.

Микеле покачал головой.

– В аду меньше чертей, чем в твоей голове, Тони.

– О, они передают привет твоим, брат.

А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас.

Мф. 5:44

София

Я была приглашена в качестве подружки невесты на свадьбу Беллы и Микеле. Конечно, я предполагала, что мой дядя Витторио выдаст Беллу замуж за Морелло вместо покойной Патриции, но совершенно не думала, что это произойдёт так скоро. Видимо, Морелло действительно не любит ждать.

Я удивилась, когда Белла позвонила мне и изъявила желание встретиться, казалось, что мы сильно отделились друг от друга после смерти Патриции. Когда я приехала, мы долго разговаривали, и я совершенно точно поняла одну важную вещь: Белла была заинтересована в своём будущем муже, как

и он в ней. Я не осуждала свою кухню за это, но Белле казалось, что она забирает судьбу своей сестры, и это едкое чувство вины пожирало её изнутри. Я могла это понять. В нашем мире девушка и её слово не имели большого веса, тем более, когда разговор шёл о Морелло, ты не имела права на голос.

Я столкнулась со своим дядей, когда уходила.

– София, рад видеть тебя.

Он поцеловал меня в лоб и провёл рукой по моим волосам.

– Как ты похожа на свою мать, дорогая, когда я смотрю на тебя, вижу её.

– Отец тоже так говорит, но, дядя, я начинаю забывать её лицо, и меня это расстраивает.

– Главное, что у тебя такое же доброе сердце, как и у неё, не теряй это, моя Патриция была как ты. Ангел.

– Мне очень жаль, я до сих пор не могу поверить в это.

– Мы все скорбим, это большой удар для нас, но мы обязаны двигаться дальше. София, мне пора идти, будь в порядке, дочка.

– Хорошо, дядя.

Он ушёл, прихрамывая, после смерти Патриции его нога стала сильно болеть. Последствия, они настигали каждого.

Я выдохнула и вышла на улицу, небо хмурилось, кажется, снова будет дождь. Я решила заехать в храм по пути домой и повидать падре.

Перед тем как зайти, я опустила пальцы в кропильницу с освящённой водой и перекрестилась. Этот молитвенный жест связан с освящением и воспоминанием о достоинстве крещёного человека, так учил меня падре.

В храме было практически безлюдно, всего лишь несколько человек сидели на скамье. Скоро здесь должна была состояться помолвка сестры. Я прошла и села на скамью, чтобы просто вспомнить о маме. Закрыв глаза, я мысленно обращалась к ней и к Патриции, я верила, что они действительно в лучшем мире.

– София, дочка, ты здесь?

Я услышала знакомый голос падре.

– Отец Альберто, здравствуйте, да, я зашла помолиться и увидеть вас.

Он присел рядом со мной.

– Ты молишь за сестру и свою мать, дорогая?

– Мне так больно, что их больше нет рядом.

– Не стоит печалиться, София, они обрели вечный покой рядом с Господом. Они в его объятиях.

– Аминь. Мне бы хотелось в это верить, падре.

– Тебя что-то ещё беспокоит, дочка? Я вижу, что ты о чём-то размышляешь.

Я прикусила нижнюю губу, нервничая.

– Отец, я хочу задать один вопрос, который меня беспокоит.

– Для этого я здесь, говори.

– Отец, может ли на свете быть дьявол в облике человека?

– О ком ты, София?

Он прищурился на меня.

Я покачала головой и помяла пальцы рук.

– Да так, просто стало интересно. Могут ли нечистые души находиться среди нас в прекрасном людском облики. Ведь говорят «дьявол был красив, словно ангел».

Падре взял свои чётки и несколько раз прокрутил их в руках, перебирая пальцами.

– Это сложно принять, но существуют люди, которые не ведают, что творят в приступе гнева. Они совершают ужасные поступки и порой подобны демонам, но они тоже люди. Их душа черна, темна и, возможно, даже проклята, но как бы то ни было, они тоже способны на любовь, просто им нужен проводник.

– Проводник?

– Да, это человек, который покажет им светлый путь в мир любви и сострадания к ближним.

– Разве возможно исцелить чёрную душу, падре?

– Любовь совершает чудеса, София, со всеми без исключений.

Он встал, чтобы уйти, но прежде добавил:

– Даже чёрная душа черна только из-за того, что ей просто не хватает немного света. Этим людям не показали, что свет тоже любит их, поэтому они умеют только разрушать.

Он ушёл, а я осталась, обдумывая его слова.

Возлюбленные! Если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга. Бога никто никогда не видел: если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, а любовь Его совершенна есть в нас.

1 Ин. 4:11—12

День свадьбы выдался очень жаркий, и я в своём зелёном обтягивающем платье изрядно пропотела.

Зайдя в церковь, я подошла к своему отцу и мачехе. Доменико не взяли с собой, он остался с Маринеллой дома, так как у него был режим.

– София, – я услышала знакомый голос кузена.

– Лука, – я обрадовалась, увидев его.

У моей тёти Эммы был один-единственный сын, старше меня на четыре года. Луку я любила за своеобразный юмор и хорошее отношение ко мне. Он был похож на парня из рекламы духов D&G, его светлые волосы в сочетании с голубыми глазами сводили с ума многих девчонок. Ох, если бы они только знали, к какому жестокому миру он принадлежит! Тогда вряд ли бы они так бегали за ним. Хотя это довольно спорный вопрос: некоторые девочки любят романтизировать плохих парней.

Он поцеловал меня в обе щёки.

– Рад тебя видеть, София, ты прекрасно выглядишь.

– Спасибо, ты тоже, как всегда, великолепен. Я слышала,

ты ездил в Штаты по заданию отца, наверное, многих девочек там свёл с ума, не так ли, братик?

Он улыбнулся своей обаятельной белоснежной улыбкой и провёл рукой по волосам:

– Ты стала жутко проницательной, малышка.

Я рассмеялась:

– Как всегда, самолюбив и уверен в себе!

– А ты подросла, сестричка, я не видел тебя около года. К сожалению, моя семья не была на похоронах Патриции из-за нашего отъезда.

Сердце кольнуло при воспоминании о сестре.

– Ладно, не будем о плохом.

Он обвёл меня глазами.

– Кажется, ты стала ещё привлекательней.

– Льстец!

– Ничуть, держу пари, парни сходят с ума по тебе!

Я наигранно вздохнула:

– Увы.

– Глупцы!

– Лука, если ты и дальше продолжишь меня так смущать, я действительно сейчас покраснею, а я бы этого не хотела. Красный плохо сочетается с зелёным.

Он усмехнулся, ущипнув меня за щёку.

– За что я тебя люблю, так это за прямолинейность, сладкая. Пойду поздороваюсь с остальными. Ещё увидимся, сестра, кстати, я остаюсь здесь на несколько месяцев и должен

буду помочь твоему отцу с одним делом.

– Это отличная новость, значит, мы сможем видеться чаще.

– Это верно, возможно, даже представишь меня своим подружкам как самого красивого и очаровательного брата.

– Боюсь, у меня не так много подруг, сколько бы ты хотел. Он усмехнулся, уходя.

Я подошла к отцу.

– Дочка, постарайся не отходить от меня, пока не настанет время подойти к алтарю. И что это ты так долго разговаривала с Лукой?

– Ничего, отец, просто мы давно не разговаривали, и я рада была его снова увидеть.

Отец недовольно кивнул головой:

– Будь внимательна, дочка, много глаз сегодня смотрят на тебя.

– Хорошо, папа.

Было удивительно наблюдать, как отец беспокоился обо мне, но чувствовать его заботу было и приятно.

Я увидела Адриану в красивом зелёном платье почти как у меня, она была вроде как младшей подружкой невесты, не считая ещё нескольких троюродных сестёр, которые также были в амплу подружек. Адриана радостно помахала мне рукой, и я улыбнулась ей в ответ. Моя младшая кузина была ещё той штучкой. Маленькая блондиночка разобьёт много сердец в будущем. Её любовь к флирту сейчас выглядит

достаточно мило, но в дальнейшем это может стать большой проблемой.

– София, пора к алтарю, – отец тихонько подтолкнул меня, и я, улыбаясь и кивая гостям, направилась напрямиком к месту назначения.

Парни с любопытством разглядывали меня, ведь раньше я не появлялась на таких мероприятиях, меня смущало это внимание. Отец Альберто стоял возле алтаря, чтобы обвенчать Беллу и Микеле.

Затем, когда мои глаза встретились с его, я резко остановилась. Мои ноги стали тяжёлыми, а сердце забилося быстрее. Я видела его страшную улыбку клыками во сне множество раз. Несколько ночей подряд я просыпалась в поту от этих кошмаров. И казалось, что я уже забыла это, но сейчас он снова стоит передо мной. Я понимала, что мне снова придется встретиться с ним, но не думала, что это снова меня так впечатлит. Моё тело реагировало на его присутствие, и это было далеко не приятное волнение, напротив, это был чистой воды страх. Знаете, это то самое чувство, когда ты хочешь спрятаться, но не можешь, потому что это так сильно действует на тебя, и ты забываешь, как дышать.

Его и без того тёмные глаза горели чем-то дьявольским, а всё та же идеально белая улыбка клыками пугала до безумия. Делая шаг назад, я не сводила глаз с него и с жениха.

Я видела, как Микеле что-то тихо сказал своему брату, тот медленно спрятал свои клыки, и казалось, его лицо приняло

более-менее человеческий вид, но Иисус! Его глаза говорили о большем.

Собравшись с силами, я сделала глубокий вдох и двинулась вперёд, к алтарю. Я поздоровалась с падре и кивнула обоим братьям. Украдкой я взглянула на жениха, затем на его брата. Он подмигнул мне, как тогда, в первый раз на похоронах, и моё сердце снова забилося прямо в горле.

Я быстро отвернулась, опустил глаза, и мысленно начала считать до ста, чтобы успокоиться, так учила меня моя мама, и это всегда работало. Всегда, но, похоже, не сейчас.

Я слишком хорошо ощущала его интенсивный взгляд на себе. Чувствовала его буквально на своей коже, будто он слишком близко стоит ко мне. Да так, что ещё немного – и я почувствую его руку у себя на горле. Моё тело хотело просто убежать отсюда. По спине пробежало знакомое тепло, и я стала задыхаться. Я знала, я чувствовала, что он продолжает смотреть на меня. Зачем он это делает, что ему нужно?

Я непроизвольно подняла руки в молитвенном жесте и мысленно обратилась к Господу: «Боже, прошу, убереги меня от всего дурного, от лукавого и всякого сглаза, – затем, подумав, добавила: – В особенности от Антонио Морелло. Аминь».

Тут до меня донёсся смешок. Неужели? Да, похоже, он действительно усмехнулся надо мной. Я опустила руки, но не посмотрела в его сторону. Падре неодобрительно взглянул на жениха и его брата, затем его добрые глаза коснулись

меня. Я уцепилась за его взгляд как за спасательный круг.

Когда Белла зашла в церковь, я была поражена её красотой. Длинное струящееся платье по фигуре с небольшим шлейфом, расшитым стразами, грудь смотрелась просто превосходно. Я никогда не видела настолько прекрасной невесты, как она. Когда мой дядя передал свою дочь Микеле, на его лице было невозможно хоть что-то прочесть. Белла же, наоборот, была дико взволнована. Её пальцы, как и голос, дрожали, мне хотелось подбодрить ее, но я не понимала, как. Я была не сильна в отношениях и всём, что связано с ними.

Мне было так комфортно одной, и я даже не могла представить, что мне когда-то предстоит выйти замуж, как моей кузине, надеюсь, мой отец будет тянуть с этим делом как можно дольше.

Позже, когда мы уже сидели за столом шикарного отеля в центре Милана, я смогла подойти и поздравить свою сестру:

– Ты выглядишь потрясающе, Белла, – я обняла ее.

– Тебе правда нравится?

– Ещё бы!

– София, мне надо...

На этом моменте её муж Микеле сел рядом с ней, вальяжно облокотившись на стул. К сожалению, Белла не успела договорить. Я отодвинулась на своё место. Белла показалась мне чем-то обеспокоенной, но, возможно, мне показалось, и

она просто нервничала.

Честно говоря, Микеле Морелло меня пугал так же жутко, как и его брат. Я была наслышана о его громком мальчишнике. Точнее, мои уши стали невольными свидетелями разговора моего отца и его друзей. Они обсуждали этот, как они выражались, «заезд» со всеми вытекающими подробностями. Белла, конечно же, пыталась выпытать у меня всю информацию, какой я владела, но многого я ей решила не рассказывать. Мне совсем не хотелось её расстраивать. Но сама я была просто потрясена, до этого случая я ни разу не слышала о таких вещах, до меня не доходили слухи ни об одном таком событии, но ведь Микеле – сын дона Джованни, самого влиятельного дона в Италии.

Итак, на этом мальчишнике были представлены самые лучшие шлюхи Милана, море наркотиков и совершенно непристойное количество алкоголя. И это самая малость из того, что происходило за закрытыми дверями знаменитого стриптиз-клуба Милана. Это было настолько громкое событие, что его даже обсуждали в школе искусств. О какой любви шла речь, если Микеле, не стесняясь, вытворял такие вещи перед самой свадьбой, совершенно не заботясь о том, что может услышать его невеста! Конечно, я догадывалась, что он не станет хранить ей верность, как и большинство мужчин в мафии, но, как говорят, надежда умирает последней.

И все же я молилась, чтобы меня обошли стороной все дела с семьёй Морелло, они были как совершенно красивые,

так и одновременно совершенно отвратительны.

Муж моей сестры и его брат, который, слава богу, находился по другую сторону от меня, ушли поздороваться с гостями из соседней организации, которые также были приглашены на свадьбу. Столько безжалостных убийц в чёрных костюмах в одном месте – это было слишком. Если собрать их всех в кучу, это больше походило на судный день в аду.

У меня пульсировала голова от жуткой боли и напряжения рядом с ними. Страх, что кто-то сейчас вытащит пистолет и начнёт стрелять, не покидал меня. Мне стало жарко.

Мой отец стоял с каким-то молодым человеком высокого роста с тёмными волосами, зачёсанными назад. Он не сводил с меня глаз. Я поёжилась от неприятного ощущения, будто я была голой, и он мог разглядеть меня полностью. Если мой отец прямо здесь и сейчас ищет мне пару, я предпочту просто умереть от стыда на этом самом месте.

По моей правой стороне пробежало уже знакомое тепло, я повернулась, делая вид, что смотрю куда-то вдаль, но слишком прямо ощущала, что на меня смотрит тот самый Антонио Морелло. Это уже начинает действительно меня пугать. Как он это делает, это что, какая-то суперспособность? Я заметила, что он перевёл свой взгляд с меня на парня рядом с моим отцом и усмехнулся.

Что так развеселило его? Явно происходило то, чего моя голова была не в состоянии понять, и это не могло меня не отвлекать.

Я подседа ближе к своей сестре, стараясь не думать о нём слишком много. Она была погружена в свои мысли, смотря прямо на своего новоиспечённого мужа.

– О чём думаешь, Белла?

Она подскочила от неожиданности.

– Ой, я тебя напугала, прости, – я подвинулась ближе к ней.

– Ты в порядке?

– Да, я в порядке, просто...

– Просто ты засмотрелась на своего мужа, – опередила я её.

– Это так заметно, да? – она улыбнулась.

– Да, но ты имеешь на это полное право. Вы теперь муж и жена, и сегодня вы станете ещё ближе.

Она скривила лицо на мои слова.

– Не говори мне об этом, пожалуйста, моя мать уже дала мне наставления, и это было отвратительно.

Мы засмеялись.

– Перестань, Белла, соберись. Ты должна быть более уверена в себе, иначе будет только сложнее, тем более что это совсем не похоже на тебя.

– Знаешь, что он мне сказал за столом?

– Что?

– Что он меня не собирается есть, по крайней мере не сейчас.

– Ох, ну, наверное, он другое имеет в виду, – задумчиво

произнесла я.

– Оу, – она покраснела, – неужели думаешь, он имел в виду то самое?

– Думаю, что так, Изабелла. Кажется, они направляются сюда. Я немного отсыду, хорошо? А то его брат меня жутко пугает, так, как и тебя твой муж.

– Хорошо, конечно, дорогая.

Я быстро отсела назад, пытаюсь держаться подальше от Морелло.

Глава 4

Тони

– Наверняка вы испытываете муки совести.

– Это утверждение?

– Предположение.

– Что-то вроде борьбы между разумом и телом?

– Да.

– Увы.

– Но вы бы этого хотели?

Я обвёл глазами её стройное тело, завёрнутое в дорожную обёртку, и постучал пальцами по столу. Раз, другой.

– Смотрите, док, когда вы приходите за покупками, то наверняка тратите большую сумму денег на свои наряды.

Она едва заметно поёрзала на кресле.

– О да, я вижу это.

– Что?

– Ваше довольное лицо. Вы ведь не испытываете муки совести, приобретая очередную дорогую безделушку? А ведь вы бы могли внести вклад в спасение бедных детей в Африке или уберечь никчёмную зверюшку от мучительной смерти. Но нет, вы выбираете себя. Возвращаясь к вопросу о пороках.

– Это другое, и я помогаю людям.

– Наверняка, когда вы ложитесь спать, чувствуете, как

она наблюдает за вами.

Женщина тяжело сглотнула.

– Она?

– Вина.

– Хотите ли вы сказать, что испытываете то же самое по ночам?

Я наклонился ближе к ней и усмехнулся:

– Я не сплю по ночам.

Меня жутко веселила вся эта атмосфера свадьбы, особенно наличие необъятного количества итальянских благородных девиц, которые не знали, как проявить себя, чтобы на них обратили внимание. Ведь они были выращены и воспитаны так, чтобы потом быть переданными в руки таким волкам, как мы. Удивительно, но атмосфера вечера не напрягла меня, и если бы не потные руки тётушки Корнелии, которые пытались ухватить меня за зад каждый раз, когда я проходил мимо, то можно было бы назвать эту свадьбу вполне сносной.

– Это будет удачное сотрудничество, Микеле!

Глава Лос-Анджелесской ндрины Чезаре Эспозито пожал нам руки в знак нашей новой сделки.

– Это будет хорошо, как для нас, так и для вас, поставки удвоятся, и прибыть будет достаточно приятной.

– Антонио прав, дон Чезаре. Это лучшее предложение от нас.

– Ваш отец должен быть доволен вами, если бы Господь даровал мне сыновей, я бы хотел, чтобы они были такими, как вы.

– Рад слышать это, дон Чезаре.

Мой брат улыбнулся нашей фирменной улыбкой.

– Кстати, говоря о моих детях, хочу познакомить вас с моей женой и старшей дочкой.

Он жестом подозвал к себе женщину высокого роста с ярко-зелёными глазами. Она была примерно возраста нашей матери, а рядом с ней шла, хотя нет, парила по воздуху более молодая версия своей матери. Длинные медовые волосы и слегка скучающий взгляд говорили о том, что она совершенно не заинтересована находиться здесь. Роза среди скучных тюльпанов.

– Это моя жена Мирелла и моя старшая дочь Джемма.

Чёрт, если бы можно было присвистнуть, я бы сделал это прямо сейчас. Девушка действительно была так же драгоценна на вид, как и ее имя, а формы её были более чем привлекательные.

– Добрый вечер, – она поздоровалась, и её зелёные, как у кошки, глаза небрежно скользнули по нам.

Похоже, эта девчонка жуткая зазнайка.

– Поздравляю вас, молодые люди, Микеле, ваша жена просто обворожительна.

Донна Мирелла одарила меня и моего брата широкой белоснежной улыбкой, как из рекламы голливудской зубной

пасты, кажется, глядя в её зубы, я даже мог увидеть своё отражение и поправить галстук, если бы я, конечно, его надел.

– Благодарю вас, синьора Мирелла, а теперь прошу прощения, мне пора вернуться к моей супруге.

Блядь, я ненавидел, когда мой брат был такой вежливой задницей. Он криво улыбнулся мне, уходя. Как бы говоря: «Отдувайся сам, братик».

– Ну и как вам Милан, синьорина Джемма?

Я решил немного поболтать с этой зазнайкой.

– Мы оставим вас, – дон Чезаре слишком прозрачно намекнул, что желает, чтобы мы познакомились поближе.

Но, похоже, маленькая синьорина совсем не ожидала такого невинного предательства со стороны отца и матери, её зелёные глаза слегка сузились. Но она быстро взяла себя в руки и натянула милейшую улыбку, от которой меня сразу же затошнило:

– Моё пребывание в Милане проходит весьма неплохо, синьор Антонио.

– Можно просто Тони.

– Как вам будет угодно.

– Интересно, ты всегда такая податливая? – усмехнулся я, рассматривая её изящную фигуру.

Её глаза округлились от возмущения.

– А теперь первый танец мужа и жены, – объявили в микрофон, и заиграла медленная музыка, свет приглушили.

Микеле и Изабелла вышли в середину зала. Когда мой

братец взял свою жену за талию, я даже отсюда мог видеть её испуганные глаза. Я усмехнулся. Остальные пары также вышли к танцполу.

Я протянул руку Джемме, зная, что она не имеет права отказать, тем самым ставя её в ещё более неловкое положение. Она мягко вложила свою руку в мою и снова натянула эту ужасно приторную улыбку хорошей девочки. Я притянул её ближе, так, что её грудь ударилась об мою. Из её горла вырвался тихий горловой стон, этот звук мне тоже понравился.

– Ты же не такая хорошая девочка, Джемма, к чему эта фальшивая улыбка сладкой куклы? – прошептал я ей на ухо, слегка наклонившись.

Я почувствовал, как её плечи немного напряглись.

– Что вы имеете в виду? – она не подавала виду, но моё слишком прижатое для первого танца тело давило на неё.

– Я имею в виду то, что сказал. Или у вас в Штатах говорят то, что не имеют в виду, имея в виду то самое?

Она немного отодвинулась от меня, чтобы посмотреть мне в глаза, но, похоже, пожалела об этом почти сразу же, потому что так ничего и не нашла в них. Зато я заметил в её глазах кое-что, что весьма развеселило меня. За годы практики я научился читать язык тела без единого труда.

– Я всё ещё не понимаю, о чем вы, Антонио.

– Скажи мне, Джемма, твой отец знает, что его драгоценный камушек употребляет запрещённые препараты?

Её тело моментально сжалось и задрожало в моих руках,

а ладони стали влажными.

– Тш-ш-ш, я никому не скажу.

– Как ты понял?

– Как хорошо, что мы перешли на «ты», правда?

– Я слишком хорошо разбираюсь в этом, малышка, и кстати, тайны сближают людей. Но вот вопрос: насколько близко?

Она тяжело выдохнула:

– Что ты хочешь за молчание?

Я рассмеялся.

– Не думал, что создаю впечатление болтуна или нуждающегося в чём-то.

– Вовсе нет.

– Но я также и не благородный человек.

– Мне нужна помощь, Антонио.

Интригуяще, сказал бы я, если бы всё не было так прозрачно.

– Доза?

– Да.

– Я не говорил тебе, что являюсь рыцарем, спасающим красивых девушек, совсем напротив, я монстр, любящий их боль и страдания.

Её голос стал лаской для моих ушей, да чёрт, как и для любого мужчины, имеющего член в работе.

– Прошу, помоги мне, и я сделаю всё, что ты захочешь.

Я шумно втянул воздух в лёгкие, вдыхая цветочный аро-

мат её духов.

– «Сделаю всё, что захочешь». Мои любимые слова, как ты узнала?

Она тяжело сглотнула.

– Что ты можешь мне дать взамен, Джемма?

– Не думаю, что такой красивый мужчина нуждается в женском внимании, тем более в моём, тем более зная теперь правду обо мне.

– Правду о том, что ты любишь наркотики? Это совсем не смущает меня.

– И все же?

– И все же...

Я развернул нас так, что она оказалась в руках своего отца к концу песни.

– Хорошего вечера, синьорина Джемма.

Я поклонился в шуточной манере и поцеловал её трясущуюся руку. В её красивых зелёных глазах был испуг и мольба одновременно.

София

Просите – и воздастся вам, ищите – и найдёте. Стучитесь – и дверь отворится перед вами. Кто просит, получит; кто ищет, всегда найдёт; и откроется дверь перед тем, кто стучится.

Мф. 7:7—8

– Мне кажется, это платье тебе совсем не идёт, дорогая.

– Не припомню, чтобы спрашивала твоего мнения.

Виктория не могла принять тот факт, что сегодня я выглядела на порядок лучше неё.

– Нахалка!

– Стерва, – парировала я.

– Ты уже совсем обнаглела, София!

Я тяжело выдохнула, закрыв глаза на несколько секунд. Где моя дурацкая игрушка-антистресс, когда она так нужна?

– Виктория, когда ты уже поймёшь, что я тебе не соперница? Я дочь твоего мужа, сестра твоего сына. Я даже не чья-то любовница.

Она усмехнулась:

– У твоего отца не может быть любовницы, милая, я даю ему всё, что необходимо. Я подарила ему сына.

Она противно улыбнулась мне. Её большие красные губы растянулись на пол-лица в неприятной улыбке, и я уже догадывалась, какую гадость она хочет сказать:

– Не то что твоя мать.

Эти слова кольнули меня в самое сердце, будто хлыст ударил меня по спине. Виктория знала, на что давить. Но я не подала виду, а лишь слегла улыбнулась ей.

– Не думай, что если я всего лишь дочь, а не сын, то мой отец не станет вступаться за меня. Я его ребёнок, как и Доменико, а ты всего лишь жена, причём вторая. Не забывай об этом, Виктория.

Я хотела уйти, но она схватила меня за руку:

– Не думай, что я не вижу, как ты крутишься вокруг моего сына, мерзавка!

– Вокруг твоего сына? Это мой брат, Виктория, всего лишь невинный ребёнок, не стоит заполнять его сердце той же чернотой, что и твоё! Ты просто ненормальная!

Она усмехнулась:

– Когда-нибудь ты уйдёшь из нашего дома, и Альфредо забудет тебя так же, как забыл и твою мать.

И как будто её работа противной мачехи была недостаточно хороша, она презрительно скользнула взглядом по моим длинным чёрным волосам, в точности таким, как у моей матери. Она знала, как отец их любил.

Я подмигнула ей:

– О, Виктория, ни мою мать, ни меня отец никогда не забудет.

На этих словах я отдернула свою руку от неё и ушла прочь, к дамской комнате. Мне было необходимо плеснуть в лицо холодной воды. Я чувствовала, что буквально сгораю от злобы.

Музыка в уборной играла так громко, что когда я оказалась здесь, мои уши могли немного передохнуть от шума и болтовни. Я включила воду и, намочив ладони, приложила их сначала к лицу, затем к шее, освежая и восстанавливая свою кожу. Я взглянула на себя в зеркало, моё лицо и вправду было красным от злости. Виктория настоящая змея, которая и в подмётки не годится моей матери. Если бы не До-

менико, то я бы преподала ей урок. Её слова о моей матери как яд касались моей кожи.

Меня отвлекли странные звуки, доносящиеся из кабинки туалета. Было похоже, что кого-то тошнит. Но когда я зашла, было так тихо, что я подумала, что я здесь одна.

– Здесь кто-то есть? – спросила я, прислушиваясь к тишине.

Я подошла к кабинке, из которой, как мне показалось, доносились эти самые звуки, и постучала.

– Извините, вам плохо? Я могу помочь?

Но в ответ снова тишина. Тогда я толкнула дверь, она оказалась не заперта.

Возле туалета на холодном полу сидела совершенно потрясающей красоты девушка, которую я заметила ещё в зале, она танцевала с Антонио Морелло, и тогда её вид был поистине испуганным. Неужели он сказал ей что-то ужасное? Он мог бы.

Я присела рядом с ней, её голова была опущена.

– Как ты, нужна помощь?

Она посмотрела на меня своими зелёными глазами.

– Мне очень плохо, мне нужно...

На этих словах её снова начало рвать. Я взяла её длинные волосы в руки так, чтоб они не коснулись унитаза.

– Похоже, ты отравилась.

Она слегка покачала головой.

– Как мне тебе помочь?

Мне было дико жаль видеть её в таком состоянии.

– Антонио, – прошептала она.

Господи!

– Он что-то сделал тебе?

– Нет. Найди его... он знает.

Её снова затошнило. Я никогда в жизни не видела такого бледного цвета лица, её кожа была словно мел. Испарина покрыла её лоб, я дотронулась до неё, чёрт, она была словно лёд.

– Давай лучше я позову твоих родителей, они помогут тебе.

– Нет! – она резко схватила меня за руку. – Прошу, никто не должен знать! – она тяжело выдохнула. – Антонио... он знает.

– Хорошо, хорошо, я найду его, только держись.

– Спасибо, – прошептала она.

Я быстро поднялась на ноги, бросилась к выходу – и столкнулась лицом к лицу со своими троюродными сёстрами.

– София, куда ты так торопишься?

Они удивлённо уставились на меня. Мой мозг молниеносно придумал самую простую историю:

– Девочки, в этом туалете прорвало трубу, идите наверх, там есть ещё одна дамская комната, а я позову кого-нибудь из персонала. Вы же не хотите испачкаться?

– Оу, хорошо, что ты нас предупредила, я не хочу испортить своё новое платье.

Моя сестра Клара скривила лицо в неприятной гримасе,

и они, развернувшись, зашагали прочь. Я выдохнула. Рядом на соседней двери висела табличка «Не работает», я быстро перевесила её на нужную дверь и побежала на поиски Антонио.

Пока я искала его, у меня дико колотилось сердце, от страха, конечно же. Что я ему скажу? Ведь я даже не узнала имени девушки, вдруг он мне не поверит или, что ещё хуже, я вообще его не найду?

– Чёрт, – выругалась я себе под нос, но затем, заметив официанта с подносом, решила спросить, не видел ли он Антонио.

– Прошу прощения, синьор, вы не видели брата жениха?

– Которого, синьорина?

– Антонио, синьор.

– Мне кажется, он пошёл вон туда.

Мужчина указал на дверь, ведущую в кухню и в подсобные помещения. Вряд ли Антонио Морелло поставили следящим за кухней, таким же нелепым было его нахождение в подсобке, если, конечно, он не убивал там кого-то или не мучил, например, кошку. Я застонала от безысходности. Но времени на раздумья не было, и я двинулась в указанном направлении.

В коридоре я услышала звуки гремящих кастрюль и тарелок, ругательства обслуживающего персонала и затхлый запах сигарет. Для начала я заглянула в кухню, но, похоже, его там не было.

– Вам что-то нужно, синьорина? – я вздрогнула от резкого вопроса сзади.

Высокий парень, одетый в форму шеф-повара, в недоумении уставился на меня, заходя в кухню.

– Э-э... Да! В зале просят шампанского! Больше шампанского! – выпалила я с умным видом и захлопнула двери у него перед носом.

Господи, что я несу! Я решила быстро проверить остальные помещения, пока меня никто не выгнал отсюда. Но ни в одной из них Антонио не оказалось.

Чёрт, оставалась только одна дверь в самом конце, и что-то внутри подсказывало мне, что ничего хорошего я за ней не найду, но вспомнив о том, как девушке плохо, я собрала всю свою волю в кулак и направилась к ней. Я тихонько открыла тяжёлые железные двери, стараясь даже не дышать. Картинка застыла в глазах, посылая искры в самую голову.

Антонио Морелло в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами в совершенно бешеном ритме врезался в задницу официантки, которая, не стесняясь, громко стонала, пока его сильные татуированные руки крепко сжимали её бёдра.

Я застыла на месте, не в силах даже двинуться, просто стояла и смотрела, как он жёстко и по-зверски входит в неё. Стук моего сердца, казалось, могут услышать все. Дрожащими руками я потянула за ручку, чтобы захлопнуть дверь, и именно в этот момент он заметил мои испуганные до ужаса

глаза. Это длилось доли секунды, но мне показалось это вечностью. Мне конец!

Я развернулась на каблуках и бросилась прочь, слыша его дьявольский смех.

Только я собиралась открыть дверь из подсобных помещений и выбежать в зал, как почувствовала, что кто-то схватил меня за руку и оттащил в сторону, прижимая к стене.

– Ты следишь за мной, малышка? Или просто любишь подсматривать?

Его мощное тело, которое несколько секунд назад врезалось в голый зад официантки, сейчас прижималось ко мне, запах его пота, попеременно с парфюмом и чем-то ещё, ударил мне в нос, проникая в кровотоки и смешиваясь с моим дыханием. Моя голова закружилась, это было слишком интенсивно.

Казалось, я проглотила от страха язык.

– Я задал тебе вопрос.

Я просто продолжала смотреть на него и хлопать глазами.

– Ты проглотила язык?

Я кивнула.

– Да?

Я замотала головой.

– Нет?

Я кивнула.

Он усмехнулся.

Я таранилась прямо в его чёрные глаза, которые блесте-

ли в темноте чем-то страшным, недобрым. Его рука слишком сильно сжимала мою, и я слегка пошевелила ей. Антонио Морелло ослабил свою хватку и отпустил меня.

Я хотела убежать, сделав движение в сторону, но он поставил две мощные руки по бокам от меня, не давая возможности пошевелинуться. Его тело накрывало моё. Я почувствовала, как моя кожа покалывает, а тело дрожит. Я была зверьком в клетке. Бежать было некуда.

– Я... не хотела, то есть я не следила за тобой.

Он наклонился ниже и медленно улыбнулся своими белыми клыками.

– Так что ты тогда хотела? Неужели спросить, как у меня дела?

Его глаза лениво скользнули по моему лицу. Я тяжело соглотнула, и он проследил за этим моим действием, впиваясь глазами в мою шею.

– Одна девушка просила твоей помощи, она сейчас в женском туалете... и...

Его глаза сузились, пристально изучая мое лицо.

– Я не знаю, как её зовут, но она просила найти тебя.

Тогда он резко схватил меня за руку, и язычки пламени заставили это место гореть. Боже, мне никогда не было настолько жарко! Тони потащил меня за собой совершенно в противоположную сторону.

– Нам в другую сторону.

Он ничего не ответил, но буквально через минуту мы сто-

или возле входа в ту самую дамскую комнату.

– Сюда?

– Да, – кивнула я, и мы вошли.

– Вот здесь, – я открыла кабинку, где с закрытыми глазами сидела та же красивая девушка.

– Чёрт, Джемма!

Тони присел рядом с ней и похлопал её по щекам. Девушка застонала, приходя в себя.

– Похоже, у неё ломка.

– Ломка? – ошарашенно переспросила я.

Я слышала, что ломка бывает только от наркотиков. Но она совершенно не походила на зависимую.

– Да, открой окно шире, нужен воздух!

Я быстро выполнила его приказ и распахнула окно. Тони достал какой-то пакетик с таблетками и, вынув одну, положил девушке в рот.

– Глотай!

Она покачала головой.

– Блядь.

Действительно, наблюдать за этим всем было одним сплошным «блядь». Тогда он поднял её за талию, будто она ничего не весит, и подвёл к раковине.

– Открой холодную воду, – скомандовал он мне.

Я быстро провернула кран. Тони набрал в ладонь воды и напоил Джемму.

– Проглотила?

Девушка кивнула.

– Через несколько минут ты придешь в себя, зрачки станут меньше. Твоё головокружение пройдет, и ты сможешь идти. Из побочных эффектов может немного онеметь язык.

– Спасибо, – еле слышно прошептала она.

– Я тебе уже говорил, Джемма, я, блядь, не долбаный спаситель, и не хрен меня благодарить!

– Моё обещание в силе, – прошептала она.

Тони лишь усмехнулся. Он посмотрел на меня, и я, кажется, забыла, как дышать. Где мои успокаивающие таблетки? Надо было взять их с собой или выпить парочку до праздника.

– Не своди с неё глаз!

Он запихнул пакетик с таблетками ей в декольте и усадил её на стойку раковины. Джемма закрыла глаза, оперевшись лбом о холодное зеркало, и тихо застонала.

Моё сердце беспорядочно отбивало ритм.

– А мне можно одну, это успокоительное или?..

Тони резко развернулся, хватая меня за запястье и притягивая ближе. Я ударилась о его железную грудь всем своим телом, и в эту секунду меня будто облили бензином, заодно поднося спичку, один «чирк» – и я горю.

– Засунешь хотя бы одну такую таблетку себе в рот – и тебе придётся сильно пожалеть об этом!

Моё тело затрясло, его глаза просто горели от злости.

– Эти таблетки не для тебя, малышка, всё поняла? – про-

изнёс он сквозь зубы.

Я закивала головой, и он отпустил меня, засмеявшись:

– И ради бога, девочки, это же свадьба в конце концов, улыбайтесь!

Затем, развернувшись, он вышел.

Я на ватных ногах подошла к Джемме:

– Давай умоем тебя.

Она потихоньку начала приходить в себя, её зелёные глаза уже чётче смотрели на меня. Интересно, что могло заставить такую красивую девушку, как Джемма, впасть в отчаяние и стать зависимой от наркотиков?

– Спасибо тебе, я даже не знаю твоего имени.

– София, меня зовут София Герра, и да, не за что, – я улыбнулась ей.

После того как я слегка умыла её, оставляя макияж на месте, я протерла её лицо бумажным полотенцем. Хорошо, что у меня в сумочке был консилер, и за считанные секунды она выглядела намного свежее.

– Я не знаю, что Тони дал мне, но я чувствую себя намного лучше.

– Это тоже наркотик?

– Похоже на то.

Она посмотрела на меня уже совершенно ясными глазами.

– София, не говори никому о случившемся, хорошо?

– Я не собиралась болтать, это не по мне.

Кто вообще станет рассказывать о таком? Личное всегда должно оставаться личным. Никто не имеет права рассказывать чужие секреты. В этом плане я была похожа на шкатулку с замком, такая стояла у меня в комнате под кроватью.

– Ещё раз благодарю, ты спасла меня.

– Не стоит, давай вернёмся, меня уже, наверное, ищут отец и Белла.

– Конечно, я понимаю.

Мы вышли из дамской комнаты и потихоньку направились к главному залу.

– Ты готова?

Она кивнула, и мы зашли, делая вид, что о чём-то беседуем, причём это было совершенно не договариваясь. Девушки. Нам иногда не стоит даже обсуждать такие вещи, мы, словно дельфины, способны с помощью эхолокации получать звуковые образы определённых объектов и передавать их друг другу. Смешно? Не сказала бы.

– Я подойду к своему отцу.

– Увидимся, Софи.

Мы разошлись в разные стороны, ловя на себе взгляды нескольких гостей. Тепло пробежало по моим щекам, и краем глаза я заметила, как Антонио наблюдает за нами. Мне снова стало жарко.

– Отец?

– Дочка, где ты была? – он больно схватил меня за предплечье.

– Отец, я была в дамской комнате, там заговорила с одной милой девушкой.

Отец пристально уставился на меня, продолжая сжимать мою руку.

– Мне больно.

Я увидела, как Антонио дёрнулся навстречу нам, и я слегка покачала головой. Боже, пусть он не подходит, отец убьёт меня. Он резко остановился, и его тут же окружили люди из общества, жаждущие внимания короля.

– Больше не отходи от меня, поняла?

– Да, папа.

Виктория подошла к нам, и отец резко отпустил меня, но красные следы предательски остались на моей коже.

– Где ты была, дорогая? Мы тебя обыскались, Белла уже пошла со своим мужем наверх.

– Я уже сказала отцу, где была, – я потёрла свою руку. – Когда мы едем домой?

– Я решу ещё несколько дел, и мы уедем, оставайся рядом с Викторией и не отходи ни на шаг.

Отец пошёл туда, где стояли Антонио, его брат Данте и дон Джованни. Я не могла отвести глаз от мощного тела Тони, он выделялся среди всех присутствующих. Меня, несомненно, пугала его самоуверенность в глазах, мышцы и рост под два метра, ну и, конечно же, черти в его голове. Он напоминал мне Аида из преисподней. Господи, одна его улыбка клыками и смех чего стоили. У меня пробежали мурашки,

похоже, он почувствовал, что я плююсь на него, и повернулась. Я резко отвернулась, начав поправлять волосы и заправлять их за уши. Идиотка!

– Итак, юная госпожа, с какой из девушек вы общались?

– Какая тебе разница?

– Просто интересно, мне кажется, ты такая скучная, что с тобой и поговорить-то не о чем.

– А мне кажется, ты такая глупая, что это с тобой поговорить не о чем и даже стоять скучно, Виктория.

На этих словах она начала ловить воздух ртом, как рыба. Эта стерва не ожидала от меня такой дерзости. Я отключила её голос, словно убавила звук на пульте от телевизора, пока всё, что она говорила, не стало похоже на посредственное немое кино. Мне лучше перестать реагировать на неё, иначе она будет и дальше пытаться отдалить от меня моего Доменико. Я развернулась и зашагала прочь, несмотря на приказ отца оставаться с ней рядом.

– София, подожди, – я услышала знакомый голос Джеммы.

– Мы уезжаем, и я хотела ещё раз поблагодарить тебя.

На её красивом лице уже виднелся приятный румянец и лёгкая улыбка.

– Не за что, ты будешь в порядке?

Она слегка похлопала себя по декольте.

– Теперь да.

Я тяжело вздохнула и с жалостью посмотрела на неё. Она

покачала головой.

– Не стоит, не жалея меня, я не заслуживаю этого.

– Я так не думаю, Джемма, все мы заслуживаем капельку этого чувства. Я просто хочу, чтобы ты была в порядке.

А затем она сделала то, чего я не ожидала: она крепко обняла меня как старую подругу.

– Увидимся завтра.

– Увидимся.

Я заметила своего двоюродного брата Луку, он разговаривал с одной из девушек из нашего общества, она так мило улыбалась ему, что мне почему-то захотелось испортить их разговор.

– Лука, – я подошла к брату и улыбнулась ему.

– София, иди сюда, – он приобнял меня и тихо прошептал на ухо: – Спасай!

Я хитро посмотрела на него, как бы говоря: «Ты мой должник», – и обратилась к светловолосой девушке:

– Прошу прощения, что прервала ваш разговор, но я так давно не виделась со своим братом, у меня есть к нему парочка важных вопросов.

– Не сомневаюсь, – девушка натянуто улыбнулась мне. – Увидимся позже, Лука.

– Я буду здесь, – он был чрезвычайно вежлив. Приличные манеры и всё такое.

Он взял меня за руку и повёл на танцпол, где пары лениво покачивались в медленном танце.

– Спасибо, сестричка, ты спасла меня от этой зануды.

– Держу пари она возненавидела меня.

Он усмехнулся:

– Кого это волнует?

– Мне казалось, что тебя, ведь быть хорошим для всех девочек – это главная миссия твоей жизни.

Он покрутил меня вокруг своей руки, и я засмеялась:

– Лука, перестань.

Я почувствовала на своей коже тепло и покалывание, но проигнорировала желание повернуться и увидеть источник жжения – я и так догадалась, кто это.

– Ты слишком умна для моей младшей сестренки, София.

Я вернула взгляд своему брату.

– А ты слишком красивый для местных девушек, братик.

Мы танцевали этот танец тысячу раз.

Глава 5

Тони

– Поговорим о вашем детстве.

– Что именно из моего детства интересует вас?

– Например, ваша мать.

– Моя мать, – протянул я. – У меня её не было, док.

– Вы сирота?

– Насколько возможно быть сиротой при живой матери, – да.

– Она не любила вас? Или же не хотела замечать?

– Да и да.

– Вы переживаете из-за этого? Это нанесло вам вред?

– О нет, синьора, что вы, это сделало меня тем, кем я являюсь сейчас, и я чрезвычайно доволен этим.

– Кем же, я могу узнать?

– Боюсь, вы не сможете спокойно спать после этого.

– Я попытаюсь.

В её глазах была больше чем заинтересованность.

– Позвольте мне спросить вас, синьора, кого вы боитесь обнаружить у себя под кроватью тёмной ночью, когда вы совсем одна и не защищены? Или кого вы опасаетесь, когда внезапно гаснет свет и всё вокруг погружается во тьму?

Она прикусила конец ручки и прокрутила её три раза, касаясь языком:

– Монстр. Чудовище. Дьявол.

– Приятно познакомиться, это и есть я.

– Поехали в наш клуб, Данте. Рик и родители уже уехали.

– Я за, ты же знаешь, только вот скажи, почему у тебя такое дерьмовое настроение?

– Оно вовсе не дерьмовое, – он пожал плечами.

– Ладно, как скажешь, возможно, несколько хороших кисок поднимут тебе настроение.

Мы сели в спортивную машину Данте, оранжево-жёлтого цвета.

– Блядь, у меня такое чувство, что я еду в большом гробаном апельсине!

Данте рассмеялся:

– Ты вечно недоволен, Тони, лучше скажи, как тебе эта горячая штучка, с которой ты танцевал?

– Джемма Эспозито?

– Да, она. Мне показалось, вы нашли общий язык.

Я усмехнулся:

– Скорее, общие увлечения.

– Что ты имеешь в виду? Она тоже любит резать и убивать?

Я мрачно усмехнулся:

– Не поверишь, братик, есть вещи поинтересней, но тебе это знать необязательно.

– Ты засранец, Тони!

– Не обижайся, малыш.

Я ущипнул его за щёку.

– Отвали, придурок.

Мы быстро домчались в наш клуб на апельсине Данте.

Ночка в клубе была в самом разгаре. Мы поднялись к себе в ВИП-зону, где Данте сразу же снял рубашку, заваливаясь на диван.

– Не хватает Микеле.

– Поверь, у него сегодня очень весёлая ночка, Данте, так что не стоит переживать, лучше пожалеем его жёнушку.

– Ты прав, – рассмеялся он.

К нам подошли несколько стриптизёрш, которые обслуживали только нас.

– Где Анна? – спросил я у одной из них.

– Она взяла выходные после мальчишника синьора Микеле.

Я усмехнулся, вспоминая этот дикий заезд.

– Тогда иди в кабинет, я сейчас подойду.

Я встал и налил себе выпить, перед тем как пойти и трахнуть очередную шлюху.

– На колени, – она встала и открыла свой чересчур покрашенный рот.

– В следующий раз, когда захочешь взять мой член себе в рот, хорошенько сотри это дерьмо с губ.

– Конечно, синьор Тони, как прикажете.

Я взял копну её длинных розовых волос и без предупре-

ждения зашёл в её рот по самые яйца, она задохнулась, и из её глаз потекли слёзы, размазывая тушь.

Я закрыл глаза, закидывая голову назад, и снова и снова вдавливался в её горло, слыша её тихий горловой плач. Эти звуки нравились мне, мне нравился жёсткий и резкий трах.

Я вышел из её рта, и она без слов знала, что делать: шлюха вынула презерватив из декольте и разорвала упаковку зубами, затем раскатала его по моему члену.

– Ложись на стол.

Она легла, выпятив свой круглый загорелый зад, и скрестила обе руки на пояснице.

Я ударил её по заднице, прежде чем резко войти в неё. Она громко застонала от боли, но не сдвинулась с места. Я намотал её волосы на кулак и наклонился ниже, продолжая безжалостно входить.

– А ты хорошо знаешь свою работу, Габриэла, жаль, что я не брал тебя чаще для себя.

Она вздрогнула, когда я произнёс её настоящие имя вместо местного псевдонима.

Я ускорил темп, и она еле сдерживалась, чтобы не кричать слишком громко. Я знал, что ей больно, и ни капли не жалел её. Мне нравилось причинять боль во время секса, это давало мне большее наслаждение. Я входил в неё слишком глубоко, сжимая упругие бёдра, пока не кончил.

Выйдя из неё, я выкинул презерватив в мусорку.

– Можешь идти, – она встала, натянув своё голубое ми-

ни-платье, и быстро выбежала.

Залпом я осушил своё виски и достал телефон, печатая СМС Микеле: «Было много крови?» Микеле: «Пошёл ты». Я рассмеялся.

Выходя, я взял свою машину, которую оставил возле клуба пару дней назад, и выдвинулся домой один, так как мальш Данте решил продолжить веселье в пентхаусе Микеле, и я не стал ему мешать превращать дом брата в гребаный бордель.

Когда я зашёл домой, на кухне горел свет. Снова не спит.

Навстречу вышла моя мать, как всегда, с бокалом чего-то крепкого. Надменный вид этой женщины раздражал меня самым назойливым образом.

– Ты поздно.

– Прости, мамочка, я должен был предупредить тебя, но был слишком занят, трахая шлюх.

Она скривила своё морщинистое, но всё ещё красивое лицо. Донна Валентина была одной из тех женщин, которые даже в возрасте выглядели великолепно и могли очаровать каждого, но мало кто знал, что она была ядовита, как гадюка.

– Не обязательно посвящать меня в такие подробности, Тони. Я твоя мать.

– Мать? Не обязательно делать вид, что волнуешься, донна Валентина. Лучше скажи мне, где мой брат?

– Возможно, спит, я не слежу за ним. Ты знаешь это, – её тон был скучным и ровным, словно она гордилась тем, что ей насрать на него.

Она сделала глоток.

– А следовало бы иногда интересоваться им.

– Ты упрекаешь меня?

– Это действует?

– Не стоит, Антонио, я сделала то, что была должна.

– Хм, и что же это? – я сел в кресло и раскинул руки по сторонам: – Дай-ка подумать, – я щёлкнул пальцами: – Вспомнил, наверное, ты совсем не обращала на него внимания и избегала его примерно... дай-ка подумать, лет так четырнадцать? А ещё ты бросила его гнить в психбольнице, убедив отца, что моему брату это необходимо.

Она усмехнулась и отпила ещё немного:

– Я сделала это ради него. Ты и твой старший брат знаете об этом лучше всех. Если бы не я и не ваш отец, вы бы не стали тем, кем являетесь сейчас.

– И кем же? Монстрами?

Она широко улыбнулась мне – моей же, блядь, улыбкой:

– Именно! Лучшие монстры, которых я только смогла породить.

– Но ты, Тони, – моя мать подошла ближе, проводя рукой по моему лицу: – Ты самый ужасный из всех.

Я смахнул её руку со своего лица и, закрыв глаза, рассмеялся. Затем встал и взял её лицо в руки:

– Я ненавижу тебя, донна Валентина Морелло. Тебя и твою грёбаную алчную душу.

Я поцеловал её в губы, и она оттолкнула меня, вытирая их

тыльной стороной ладони.

– Прекрати!

– Твой любимый монстр пошёл спать. Смотри не умри от передозировки алкоголя и антидепрессантов.

– Спокойной ночи, Тони.

Я помахал ей рукой.

Я ненавидел её за то, что она бросила Рика, когда он так нуждался в ней. Он мог бы избежать всего того дерьма, по-заботься она о нём вовремя, вместо этого она бросила его в котёл агонии и боли.

София

Итак, покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас.

Иак. 4:7—10

Эта ночь далась мне нелегко, постоянные мысли об Антонио и Джемме не давали мне уснуть. Я перевернулась набок и тяжело выдохнула. Воздух со свистом выходил из лёгких каждый раз, когда я вспоминала его, прижимающим меня к стене. Укрывшись своим любимым пледом, я ещё раз покрутилась на кровати.

– Ох, – и ещё раз громко выдохнула.

Да черт возьми, почему я так нервничаю? Антонио Морелло тоже человек! Трахал официантку он, а стыдно и страшно мне. Образ Антонио, вдалбливающегося в задни-

цу девушки, снова и снова всплывал у меня перед глазами. Моё сердце билось намного быстрее. Его клыки и совершенно дьявольский смех напрочь выбивали меня из состояния спокойного человека.

Я уснула только под утро и, проспав всего несколько часов, почувствовала, как маленькие ручки моего брата обнимают меня. Открыв глаза, я увидела его спящее личико на подушке рядом со мной. Я погладила его по щеке, видимо, он пришёл совсем недавно и незаметно уснул рядом. Я потянулась и поцеловала его в щёчку.

– Доброе утро, мой рыцарь Доменико.

Он открыл глазки и улыбнулся:

– Доброе утро, сестра.

– Ты пришёл меня разбудить и сам уснул, не так ли?

Он засмеялся, и я начала щекотать его животик.

– Хватит, София, хватит, – он так мило смеялся, что я была готова умереть, лишь бы ещё раз услышать этот сладкий смех.

Доменико начал прыгать по кровати и смеяться.

Послышались шаги за дверью, и вошёл отец.

– Доменико, вот ты где, твоя мама ищет тебя.

Отец зашёл ко мне в спальню, хотя уже несколько лет не был здесь.

– Папа, смотри, как я умею высоко прыгать! – Доменико ещё сильнее начал отталкиваться от матраса, и его прыжки были поистине впечатляющими. Я рассмеялась.

– Давай, братик, иди умывайся и хорошенько почисти зубки, твоя мама ждёт тебя.

– Хорошо, сестра, – он спрыгнул с кровати и промчался мимо отца, тот на ходу взъерошил его волосы.

Отец задержал взгляд на мне, затем посмотрел на мою руку, которую он вчера сильно сжал.

– Болит?

Я покачала головой.

Отец подошёл ближе и сел на мою кровать, мне стало неловко, я давно не находилась с ним наедине, тем более в своей комнате.

Отец оглядел мою девчачью спальню и задержал взгляд на фотографии мамы возле моей прикроватной тумбочки, уголки его губ немного дёрнулись вверх.

– Дочка, я...

– Не надо, папа, – я покачала головой.

– Но я должен, я слишком мало времени уделял тебе, оставив в одиночестве.

– Неужели?

Я приподняла одну бровь вверх и скрестила руки на груди.

Он улыбнулся.

– Так делала твоя мать, знаешь, абсолютно всегда, когда была чем-то недовольна.

Я помнила это, но мои движения были произвольны.

– Это стало привычкой и у меня.

– Прости за вчерашнее, – он кивнул на мою руку. – Я не

хочу, чтобы с тобой что-то случилось, я слишком долго прятал тебя от всех, мне не хотелось, чтобы раньше времени на тебя обратил внимание какой-нибудь волк...

– Неужели? А сейчас, я полагаю, время пришло?

Отец кивнул:

– Ты достигла того возраста, когда ты, как и все девушки нашей организации, должна выходить на такие мероприятия и затем выйти замуж.

– Но я совсем не хочу этого, отец. Я хочу остаться здесь, дома, ведь это и мой дом, правда?

– Он всегда будет твоим, дочка, но тебе необходимо построить и свою семью.

Я тяжело вздохнула и присела на кровать рядом с ним.

– От твоей матери тебе досталась совершенная красота и утонченность, София, не думаю, что долго смогу удерживать парней подальше от тебя.

Я усмехнулась:

– Вчера уже кто-то проявил интерес, верно?

Отец кивнул:

– Да, это было большое количество парней, но поверь, я выберу самого достойного.

– А мое слово имеет вес?

– Я постараюсь прислушаться к тебе, но не гарантирую, что соглашусь. Вчера ко мне подошёл Диего Росселини, сын одного из важных людей нашего общества и по совместительству моего давнего друга Паоло. Они с семьёй совсем

недавно приехали из Германии, на время, конечно же. Паоло должен здесь уладить дела с Микеле. Вскоре Диего займёт его место, он был заинтересован в тебе.

– Отец...

– Если не захочешь, ничего, у нас есть время, но не так много, как, возможно, тебе хотелось бы. Я занимаю слишком важный пост и не могу перечить правилам, дочка. Мы должны соблюдать все законы и традиции, ради Доменико в том числе, он мой единственный преемник.

– Хорошо, – я кивнула, ради будущего брата я была готова на всё.

– Кстати, София, рядом с тобой всегда должен быть охранник, думаю, Франко подойдёт на эту роль идеально.

– Я могу продолжать ходить в школу искусств одна? Отец, если кто-то увидит меня с охраной... У меня и так мало друзей.

Их не было вовсе.

– Я доверяю тебе, София, так что этот момент пока может остаться нетронутым, в школе, но не вне её. Всё в твоих руках.

– Спасибо.

– Собирайся, совсем скоро выезжаем на праздник.

Я кивнула, и он вышел.

В моей груди поселилось тепло, отец доверял мне и, кажется, даже любил или хотя бы проявлял что-то похожее на это чувство. Мне не хотелось разочаровывать его.

Спустя несколько часов

Я зашла в зал, где проходил второй день свадьбы. Он был посвящён лишению невинности невесты, таковы были наши калабрийские традиции. Мне они, конечно же, казались совершенно непонятными в наше время, но многие из наших правил в принципе были старомодными.

Белла и Микеле спускались по лестнице, и все присутствующие встречали их, аплодируя и присвистывая. В особенности были воодушевлены девушки, они аплодировали, слишком бурно перешёптываясь и хихикая.

Я закатила глаза.

– Правда глупо?

Знакомый голос раздался позади.

– Джемма, – я повернулась, улыбаясь ей.

Она выглядела прекрасно в своём коротком, облегающем белом платье. А в сочетании с её загорелой кожей и медовыми волосами все это смотрелось просто восхитительно. Её кошачьи зелёные глаза были совершенно ясными сегодня. Никаких признаков усталости или следов прошлого вечера.

Утро всегда стирает признаки темноты.

– Ты хорошо выглядишь.

– Спасибо, ты тоже.

Я действительно выглядела хорошо, как и моя мама в прошлом, я любила покупать себе модную и дорогую одежду. А ещё мне нравилось злить этим Викторию.

– Это Dolce?

– Да, – улыбнулась я. – Купила назло своей мачехе.

Джемма рассмеялась.

– А ты не такая пушистая, как кажешься, София.

– А ты разве не такая же? – я подмигнула ей.

– Скажи, София, ты не видела Тони? Я хотела поблагодарить его за вчерашнее... Ну, сама знаешь что.

Мое сердце забилось быстрее при упоминании его имени, а ладони вспотели.

– Эй, успокойся, что с тобой?

Видимо, моя реакция была слишком очевидна.

– Эм... нет, я его не видела и, честно говоря, не очень-то и хотела бы.

– О, чёрт, он стоит сзади тебя! – она округлила глаза, таращаась вперёд.

Мое дыхание сбилось, и я в ужасе оглянулась.

– Да я пошутила, – Джемма громко засмеялась.

Я выдохнула, приложив ладонь к сердцу.

– Да что с тобой происходит, ты боишься его?

– Немного, честно говоря, хотя кого я обманываю, я действительно боюсь его, он ведь просто... просто дьявольский.

– Не могу не согласиться с этим, он такой... Вчера во время танца он действительно меня испугал, но его таблетки подарили мне новое дыхание. Я просто обязана поблагодарить его.

– Наверное, ты права, но прошу – не связывайся с ним.

Может, я как-то смогу тебе помочь?

Она покачала головой:

– Нет, София, только я могу с этим справиться, никто не сможет мне помочь, и кстати говоря, о Тони – он сейчас поздравляет своего брата.

Я повернулась туда, где стояла потрясающая Белла и её не менее потрясающий муж. Они были прекрасны в тандеме, однозначно альянс был за укрепление семей, но и доля чего-то магнетического имела место. Неосознанно мои глаза искали Антонио. Его улыбка просто убивала, и вполне возможно, если он окажется в бою без оружия, он просто так сможет поубивать всех только одним своим оскалом. Я почувствовала, что теряю кислород.

– Ты снова перестала дышать, София.

Я повернулась к Джемме.

– Может, между вами что-то происходит?

– Нет, что ты!

– Ладно-ладно, успокойся, я просто пошутила.

Она взяла два бокала с шампанским от мимо проходящего официанта и передала мне один.

– Спасибо, у меня действительно пересохло во рту.

Я залпом осушила его.

Она потянула за край моего бокала.

– Эй, поаккуратней, ты не похожа на пьющую девушку.

– На самом деле да, я редко пью. Джемма, мне пора идти к Белле, мы же ещё увидимся?

– Я буду неподалёку, и кстати, я остаюсь здесь на учебу в Миланской школе искусств Брера.

– Ты серьезно? – я не могла поверить своим ушам. – Я учусь в этом же учреждении. Занимаюсь воздушными танцами и изучаю несколько видов графических искусств.

– Это просто замечательно! Значит, мы будем видеться чаще. Кстати, воздушные танцы – это великолепно, а я думаю, откуда у тебя такая отличная задница?

Я засмеялась.

– Хорошо, позже обсудим все детали, я поспешу к кухне.

– Увидимся, Софи!

Я подошла к Белле и крепко обняла кухню, осматривая её тело на предмет синяков или принуждения, но, к счастью, ничего не обнаружила. Она даже показалась мне счастливой.

– Как ты, Белла?

– Лучше, чем я могла себе представить, – сказала она, и я улыбнулась, довольная её ответом.

Я заметила, как приближаются Микеле и Антонио. Микеле кивнул мне, а Тони сделал вид, что меня здесь просто нет. Отлично.

Мы с Беллой сели за стол, и Тони подошёл сзади, обняв Микеле и Изабеллу за плечи.

– Ну что, как прошла ночка, молодожёны? Говорят, крови было много?

Он посмотрел на Беллу и подмигнул ей.

Я потеряла дар речи.

– Антонио, отвали, или я тебе сейчас раскрашу лицо в красный, тогда крови действительно будет достаточно, – жёстко ответил Микеле, но в его глазах я видела намёк на веселье, похоже, такая манера общения между ними вполне нормальна.

– Ладно, понял, я сейчас уйду, но потом жду подробностей, братик.

Белла густо покраснела и с вопросом посмотрела на своего мужа, но тот никак не отреагировал.

Я еле заметно покачала головой. Господи, это ведь даже не шутки, он сам по себе такой. Как Белла будет с ними со всеми жить, я боялась даже подумать об этом.

Через некоторое время Белла, воспользовавшись моментом, пока Тони и Микеле обсуждали работу с членами общества, тихо позвала меня.

– София, – Белла встала и крепко обняла меня, я почувствовала, как она аккуратно вложила мне что-то в руку.

– София, не подавай виду, – прошептала она мне на ухо.

Я взяла что-то, похожее на клочок бумаги, и сжала в ладони.

– Хорошо, но что это значит? – с тревогой спросила я.

– София, если ты мне поможешь, тогда я и моя покойная сестра будем тебе действительно благодарны.

Она смотрела на меня так, будто от меня что-то зависело.

– Мне надо, чтобы ты передала записку одному человеку.

– Кому?

– Алесслио Манчини, – прошептала она.

– Алесслио, но зачем? Изабелла, что происходит? – я знала Алесслио с самого детства и приятным парнем назвать его не могла. Он был скользкий и скрытный. – Или же ты...

Мне в голову закрались не совсем хорошие мысли.

– Нет, – резко оборвала она. – Это не то, что ты подумала.

Прошу, просто сделай это, – она заглянула в мои глаза. – Умоляю.

– Хорошо, но только ради тебя, после я жду объяснений.

Я не могла отказать своей кузине, она бы не попросила меня о таком, если бы это действительно не было важно.

– Ты получишь их, София, обещаю.

Я быстро направилась к матери и сестре Алесслио, начав вести беседу, улыбаясь и смеясь. Честно сказать, я была неплохой актрисой, тем более что с сестрой Алесслио я училась в одной школе и у нас были общие темы. Затем я незаметно всунула записку в руку Алесслио и, даже не посмотрев на него, удалилась.

– Что дальше? – спросила я, снова подсаживаясь к Белле.

– Мне надо как-то улизнуть и поговорить с ним.

– Я тебя прикрою, – твёрдо сказала я. – Разве невеста не может выйти в туалет? Смотри, никто даже не смотрит в нашу сторону.

Действительно, женщины так были увлечены беседами и сплетнями, а мужчины – работой, что даже не заметят её маленького отсутствия.

– Софи, если кто-то спросит, скажи, я в туалете, после вчерашней ночи никто не подумает ничего плохого, особенно женщины поймут.

Белла словно читала мои мысли.

– Хорошо, но будь осторожна, Белла.

– Буду, – уверенно ответила она.

Белла быстро ушла, а я снова опрокинула бокал с шампанским. Сегодня слишком напряженный денёк, собственно, как и вчерашний.

Я заметила, как в конце зала Антонио и Джемма о чём-то разговаривают, а они неплохо смотрелись в тандеме. Оба такие идеальные.

Глава 6

Тони

– Получается, в некотором роде вы ненавидите того, кто причинил вред вашим близким?

– В каком-то да.

– Получается, Бог живет и в вашей душе. Значит ли это, что не всё потеряно?

– Бог наслал на людей потоп и чуму. Мне кажется, вы пытаетесь найти то, чего нет, док?

– Возможно, я пытаюсь распутать этот клубок. В конце концов это моя работа.

– В конце концов это просто ваше желание самоутвердиться и показать, что вы имеете власть над другими.

– Я не пытаюсь этого сделать. Я хочу помочь.

– Неужели вы настолько приземлённый человек, синьора? Вы ведь ненавидите всякого, кто кидает тень сомнения на вашу работу. Мы снова вернулись к вопросу о пороках.

– Вы ошибаетесь, я не тщеславна.

– Насчёт тщеславия – вы сами это сейчас сказали. Я всего лишь говорил, что вы принимаете мою благодарность не козлиной кровью, и не щепоткой добрых дел, и даже не этим...

Я медленно растянул свою улыбку.

Она нахмурилась, поправила очки и снова что-то записа-

ла.

– Антонио, можно тебя на минутку?

Джемма подошла ко мне, когда я разговаривал с одним из наших доверенных лиц в Риме Бруно Стефани.

– Я занят.

– Это не займёт много времени.

Чёрт, похоже, она просто так не отстанет, надо познакомиться её с Данте, две долбанные рыбы-прилипалы.

– Бруно, я скоро вернусь, и мы закончим обсуждение той самой кровавой расправы над русскими.

– Конечно, Тони, я буду здесь.

Мы отошли немного в сторону.

– Что ты хотела, малышка? Говори быстрее, я занят.

Мои глаза нашли Беллу и Софию, они о чём-то шептались, я намеренно не обращал внимания на последнюю целый день, так как её огромные печальные глаза сбитой на дороге оленихи жутко отвлекали меня.

– Я хотела сказать спасибо за моё вчерашнее спасение. Ты и София – я в долгу перед вами.

Я перевёл взгляд с Софии на это прекрасное дитя порока.

– Я уже говорил тебе, я не долбаный спаситель, тебе нужна была конфетка – я тебе её дал, на этом всё.

– Все равно спасибо, я уже успела поблагодарить Софию, она просто прекрасная девушка.

– Неужели?

Краем глаза я следил за моей новоиспечённой невесткой и её аппетитной кухней.

– Тони, девушка жутко боится тебя, ты что-то сделал ей?

Я снова посмотрел на Джемму и медленно растянул губы в улыбке.

– Насколько сильно она меня боится?

Она странно посмотрела на меня.

– Чёрт, похоже, мне не стоило этого говорить.

– И почему же?

– Я серьёзно, она боится тебя.

Я видел, как София и её выпуклая сладкая задница подошли к столу семьи Манчини. Она улыбалась и разговаривала с какой-то рыжей куклой Чаки, это вроде сестра Алессио. Жуткое зрелище. Затем она незаметно что-то всунула в руку Алессио и быстро удалилась обратно к столику, где её ждала Белла. Что, мать твою, происходит?! Моё тело неприятно отреагировало на это.

Я вернулся к лицу Джеммы:

– Смотри, малышка, если тебе нужна будет ещё одна партия наркоты, то тебе лучше найти себе местного наркодилера. Не рассчитывай на меня в следующий раз.

– Я остаюсь здесь на обучение в Миланской школе искусств, и честно говоря, мне будет необходимо ещё, это слишком хорошо привело меня в чувство.

– То есть говоришь, что не отстанешь?

– Не могу.

Я наклонился к ней, улыбаясь:

– Советую ещё раз хорошенько обдумать это, малышка, ведь, как известно, заключать договор с дьяволом не всегда идёт на пользу, не так ли?

– Я подумаю.

Безысходность.

– Отлично, а теперь прошу меня простить.

Щёлкнув её по носу, я отошёл.

Я смотрел на то, как София сидит и крутит салфетку в своих руках, но уже совершенно одна. Она явно нервничала, покусывая свои идеальные губы.

Мои братья, отец и Бруно были заняты обсуждением дел, и я, воспользовавшись этим моментом, направился к Софии, чтобы узнать, в чём дело.

Она заметила меня, и её большие глаза стали ещё больше. София резко встала и быстрым шагом двинулась в сторону подсобных помещений. Я ускорил шаг, идя за ней в тёмный длинный коридор. Зайдя внутрь, я знал, что она прячется где-то здесь. Стук её сердца и прерывистое дыхание были слишком громкими для моих ушей.

– Софи-и-ия! – я позвал её голосом Ганнибала Лектера из фильма «Молчание ягнят». – Я знаю, ты здесь, выходи, малышка.

Двери в конце коридора дёрнулись.

Попалась.

Я двинулся туда и резко схватил её, прижимая лицом к

стене так, что её упругий зад упёрся прямо в мой пах.

– Куда же мы так спешим?

– Отпусти, – тихо попросила она.

– Или?

– Или я закричу – слишком неуверенно пробормотала она, и мне снова захотелось рассмеяться.

– Как это глупо, ведь я могу закрыть твой непослушный рот рукой или...

Я резко повернул её лицом к себе, и её аппетитные груди подпрыгнули. Я поставил обе свои руки так, чтобы она не могла убежать.

– Или я могу заткнуть твой милый ротик чем-нибудь поинтересней.

Её глаза расширились.

– Тебе никогда не говорили, что у тебя глаза как у белки из того самого мультфильма? Но вот только где твоей орешек, белочка?

– Ч-что? – она удивлённо приоткрыла свой красивый рот с пухлыми и сочными губами.

Мне захотелось вцепится в них зубами и немного подпортить эту идеальность.

Ничто не идеально.

– Ближе к делу, белочка. Куда пошла Белла и что ты дала в руки Алессио?

Она захлопала глазами:

– Как ты узнал? – выпалила она и сама же прихлопнула

ладонью свой рот.

Бля, этот жест. Обычно такие малышки не возбуждали меня, но эта девчонка!..

– Тебе лучше сказать мне, где Белла, или я за себя не отвечаю.

Она задрожала под моим натиском.

– Я... я не знаю... правда.

К счастью, я знал, как можно вытащить всю нужную информацию из таких недотрог, как София. Они берегли свою благодетель больше, чем мать родную.

Я выдохнул:

– Ты не оставила мне выхода, белочка.

Глядя ей в глаза, я опустил свою руку на внутреннюю сторону её бёдра, её тело покрылось мурашками, и я медленно повёл ладонью вверх, задирая платье.

– Что ты делаешь? – её дыхание стало прерывистым и неровным.

Страх.

Она хотела вырваться, но я сильнее прижал её своим телом.

– Если не хочешь, чтобы это продолжалось, просто скажи мне – и я отпущу тебя. В противном случае я подумаю, что тебе нравится то, что я сейчас делаю.

– Нет, не нравится, отпусти! – запротестовала она.

Я ещё выше скользнул по её бедру, чувствуя её нежную и шелковистую кожу под шершавыми подушечками своих

пальцев. У неё снова пошли мурашки по коже, она замерла, перестав дышать. Я наклонился ниже и провёл носом по изгибу этой манящей шеи.

Она тяжело выдохнула:

– Не делай так, пожалуйста, – прошептала она.

Я шумно втянул воздух, чувствуя ванильный аромат её духов, смешанный с её собственным сладким запахом тела.

– Ты такая аппетитная, София, кажется, я не могу устоять. Может, мне действительно стоит попробовать тебя на вкус, м-м? – я посмотрел ей в глаза, продолжая вести свою руку вверх. – Я почти чувствую жар твоей киски у себя на пальцах.

Её рот был приоткрыт, а длинные ресницы трепетали. Я добрался до края её трусиков и как только хотел засунуть свою руку туда, она решила сдаться:

– Стой! Белла и Алессио внизу, но поверь, им нужно просто поговорить – и всё. Клянусь!

– Чёрт! На самом интересном месте.

Я ещё раз посмотрел на её красное от стыда лицо и провёл рукой по пылающей щеке, затем усмехнулся, приближаясь к её уху:

– И это я ещё не коснулся твоей киски, малышка, в следующий раз я это исправлю.

Оттолкнувшись от стены, я пошёл на поиски сбежавшей невесты.

Добравшись до нижнего этажа, я услышал голос Беллы:

она что-то грозно говорила.

Я открыл двери.

– Какого хрена здесь происходит?

Белла стояла спиной ко мне, затем быстро достала что-то из сумки и воткнула в Алессио.

– Чёрт, – сказать, что я охренел, ничего не сказать.

Алессио застонал, хватаясь за нож, который торчал в нём.

Я схватил Беллу и оттащил её назад, прижимая к себе.

– Это тебе за мою сестру, – крикнула она и попыталась ударить его ногой, но я не позволил.

– Надеюсь, ты истечёшь кровью и сдохнешь!

– Белла, какого хрена ты творишь, ты что, маньячка? – Я крепко держал её одной рукой, а второй набирал номер брата.

Тем временем Алессио скатился на пол с торчащим ножом.

– Микеле, срочно приходи в подсобку на нижнем этаже, твоя жена только что пыталась прикончить Алессио Манчини.

– Блядь, – всё, что сказал мой брат.

– Позовите врача, – застонал Алессио.

– Заткнись, – выплюнул на него я.

Микеле зашёл в подсобку вместе с Риком.

– Это он, не так ли? – вид у моего брата был разъярённый.

Микеле смотрел на Алессио с полным отвращением.

– Мы прикончим его? – спросил я, закатывая рукава и по-

нимая, о чём идёт речь: это Алессио залез в трусики покойной Патриции. – И как мы это объясним обществу?

Микеле был совершенно спокоен внешне, но в его глазах читалась смерть для Алессио.

– Он всё равно был бесполезный солдат и к тому же предатель.

– Рикардо, – Микеле подозвал Рика, и я понимал для чего.

– Да, брат, что прикажешь?

– Хочешь пролить кровь этого ублюдка, совершив первое официальное убийство?

– Конечно, Микеле, сочту за честь!

Рик, не раздумывая, достал пушку из-за спины и надел глушитель.

– Нет-нет, постойте! – закричала Белла. – Я должна убить его. Я обещала. Я поклялась и дала слово чести сестре.

– Отлично, давайте будем делить, кто замочит этого придурка, – сказал я и пнул его ногой.

Ублюдок застонал, почти потеряв сознание.

– Выведи её, Тони, и проследи, чтобы она ещё что-нибудь не натворила.

Я схватил Беллу за руку и, несмотря на её протест, вывел прочь. Я услышал звук приглушённого выстрела. Наконец Рик сделал это.

– Не думал, что ты такая кровожадная, Изабелла, – усмехнулся я.

– Я не такая, но я должна была отомстить за сестру. Что

теперь со мной будет?

– Я не знаю, что будет, но мой брат действительно не прощает предательства. Если спросишь у меня, то мне понравилось, как ты всадила ему нож.

– Как ты узнал, где я?

– Я проследил за твоей кузиной. Если ты думаешь, что мы не наблюдаем за тобой, то ты сильно ошибаешься.

– София не виновата, она не знала, прошу, не впутывайте её.

Я привёл Беллу к столу, и София сразу же обняла её, вид у неё был потерянный, а рядом стояла пара пустых бокалов из-под шампанского.

– Спасибо, Тони, – тихо поблагодарила меня Белла, и я ушёл разбираться с остальным дерьмом.

После долгого и нудного таскания трупа Алессио по городу я и Рик наконец выгрузили его на нашем обычном месте. Гробовщик займётся им, пока Микеле не решит это дело.

– Бобби, к тебе гость.

Этот забавный старик работает на нас около двадцати лет и ни разу не сплоховал, хотя трудно себе представить, как можно облажаться с трупом.

– Кого вы притащили, снова мешок тухлого и бесполезного дерьма?

– Нет, это свежати́на, и как, чёрт возьми, некрасиво, Бобби, это же человек, а не картошка!

Он рассмеялся.

– Рик, помоги-ка мне вытащить твою первую жертву.

Правда Белла неплохо помогла тебе в этом деле.

– Я ни хрена не ожидал такого от неё, Тони!

Похоже, Рик был немного удивлён кровожадности нашей малышки.

– Бобби, какого хрена ты стоишь? Тащи сюда свою тележку, его нужно положить на временное хранение в камеру.

– Сейчас всё устроим, парни.

Он вернулся через несколько минут, и мы загрузили труп.

– Нравится убивать – приучайся убирать за собой дерьмо, братик.

– Не думал, что это так занимательно, – пошутил Рик.

– Кстати, Бобби, у тебя в камере хранения должно стоять не меньше чем плюс два. Такая температура препятствует быстрому развитию гнилостных процессов – я рассмеялся, вытирая руки полотенцем и обрабатывая чистым спиртом.

– Чёрт, Рик, ты просто хренов ботаник!

– Просто нашёл пару учебников в библиотеке по патологической анатомии.

– В библиотеке?

– Странно, что тебя больше удивляет библиотека во всей этой пьесе, Тони.

Я ещё больше рассмеялся:

– Мне надо чаще проводить с тобой время, засранец.

– Было бы неплохо, брат.

– Я принял твоё сообщение к сведению, а теперь поехали, нам ещё нужно отдать мою машину в химчистку.

София

И когда вы стоите и молитесь, прощайте всё, что против кого-то имеете, чтобы и Отец ваш Небесный простил вам ваши грехи.

Мк. 11:25

– Похоже, ты переборщила с шампанским, София.

Моя мачеха всю дорогу домой не уставала напоминать мне об этом.

– Оставь её в покое, Виктория. А ты, София, больше не налегай так на спиртное.

Я зажмурила глаза и получила в подарок светлые расплывчатые кружки и звёздочки в глазах. Чёрт.

– Хорошо, папа, я и так редко пью.

Мы быстро доехали до дома, и я еле сдержалась, чтобы меня снова не стошнило, как в туалете на празднике.

Иисус! Когда Белла сказала мне, что Алессио мёртв и что она воткнула в него нож, отомстив за Патрицию, а младший из Морелло добил его, мне действительно стало плохо. Я не могла и подумать, что моя сестра способна на такое, и самое ужасное, что я не меньше остальных была причастна к этой истории. Белла должна была меня предупредить, я не имела права так поступать. В один час моя спокойная и тихая

жизнь перестала быть таковой, и я чувствовала, как выхожу из своей уютной зоны комфорта.

О нет, я снова начала задыхаться, благо мы подъехали к дому, и я, вылетев из машины, помчалась наверх.

Уже лёжа в ванне, в тишине, я снова погрузилась под воду, дабы перестать думать о Тони. Его обжигающее дыхание на моей шее до сих пор посылало сладкие удары вниз живота. Я хотела забыть об этом позоре.

Прошло много времени с тех пор, как приключился весь этот кошмар. Я слышала, что родители Алессио объявили о несчастном случае. Я боялась даже представить, что могли сделать Морелло, чтобы закрыть тему смерти Алессио. Если вы спросите меня – все они должны гореть в аду с таким отношением к человеческой жизни.

Белла так и не позвонила мне, интересно почему, я думала, что после нашего сближения она не оставит этот случай на самотёк. Возможно, она просто давала мне прийти себя. В любом случае нам стоит поговорить об этом, несмотря на её поступок, мне не хотелось терять своего близкого друга в лице кузины. Меня могло радовать только одно – это то, что я не видела всю семью Морелло.

Мои походы в церковь и молитвы не избавили меня от чудовищного чувства вины и осознания того, что я была связана этой тайной со всеми ними.

Я переделалась в лёгкое летнее платье, положила трениро-

вочный костюм в сумку и спустилась вниз.

Виктория сидела возле телевизора и смотрела очередную чушь.

– Куда ты собралась так поздно?

– На вечернюю тренировку, отец знает об этом, он дал мне ключи от машины.

Она лопнула розовый пузырь.

– Тебе пора заканчивать с этим, дорогая, ты скоро выйдешь замуж, и наверняка твой будущий муж будет против.

Она пальцем обвела в воздухе круг.

– Увлечение.

– Это мы ещё посмотрим, а пока у меня нет даже жениха, и я вольна делать что хочу. В отличие от тебя, конечно же.

– Нахалка!

– Стерва!

Я захлопнула дверь и вышла во двор.

– Синьорина София – мой охранник Франко кивнул мне в знак приветствия.

– Сегодня я еду одна – я помахала перед ним ключами от моей машины.

– Я знаю, босс предупредил меня. Будьте осторожны.

– Как всегда, – я улыбнулась мужчине и, сев за руль, выдвинулась в путь.

Я врубила музыку на всю, а именно все старые треки Britney Spears. Я ехала на тренировку, подпевая любимой песне «Give me baby one more time». Вы скажете: что за ерун-

да? Вовсе нет, отвечу я вам. Я любила все её треки и её саму, несмотря на её чрезмерное увлечение наркотиками. Это на делало её плохой.

Погода была отличная, и я открыла окно, вдыхая свежий летний воздух, позволяя ветру ласкать мое лицо и волосы.

Мне пришлось припарковаться сзади здания, так как ворота уже заперли, и мне нужно было идти в обход. Зайдя в любимую школу, я поздоровалась со школьным охранником.

– Учитель Мария оставила мне ключи, – я помахала ими перед его носом.

– Хорошо, София, проходи.

– Благодарю.

Не знаю почему, но настроение у меня было просто потрясающим.

Я переделалась в специальный облегающий костюм для воздушных танцев. Я заказала его в дорогом миланском доме, где изготавливали самые качественные вещи для спортивной гимнастики и акробатики. Я дико гордилась своим выбором и дизайном, ведь я полностью разработала его сама. Мой костюм был телесного цвета и обтягивал меня словно вторая кожа. Его мягкая и эластичная ткань была безупречна как на ощупь, так и на вид. Костюм не сковывал мои движения, позволяя делать их плавными и свободными. Мне не терпелось опробовать его на деле.

Затем я включила классическую музыку с нотками современного бита и принялась разминаться. После хорошего

разогрева я начала повторять и закреплять свой новый танец, который готовила для сдачи на экзамене моему преподавателю и комиссии. Я забралась на воздушные полотна и сделала несколько трюков, ощущение парения в воздухе не могло сравниться ни с чем. Чувство счастья и лёгкости переполняло меня.

Я упорно повторяла весь танец снова и снова, пока мои движения не стали плавными и аккуратными. Я почти доби-лась того, чего так хотела.

Неожиданно лампы в зале погасли, а музыка затихла. Страх затянул меня в свои тиски.

– Итак, женщины.

– Прекрасно.

– Что они значат для вас в вашей жизни?

Я закинул голову назад и закрыл глаза.

– Удовольствие.

– И всё?

Я поднял голову и посмотрел на неё сверху вниз, медленно.

Едва заметно она сжала свои бёдра.

Я втянул воздух и выдохнул:

– Да.

– Что насчёт любви?

– Её не существует, это миф, выдумки для слабых, чтобы оправдать безрассудство.

– А точнее.

– Например, вы, док. Вы можете употреблять одно и то же блюдо на протяжении всей жизни?

– Наверняка нет.

– То же самое и с любовью.

Тони

Я приехал в наш клуб под названием «Сирены», огромный стриптиз-клуб, в котором отдыхала вся элита Милана. Мы часто проводили здесь свои собрания с братьями, заодно трахая шлюх. Ну как мы – теперь только я, Данте и Рик, мой старший братец стал чёртовым примерным семьянином, что, конечно же, не могло не расстраивать меня.

– Сегодня груз прибыл в Лос-Анджелес, во Флориду, там его встретили люди Эспозито. Если так пойдёт дальше, мы довольно быстро захватим хорошие точки, по такой цене у нас будут брать качественный продукт.

– Если семья дона Чезаре будет и дальше исполнять наши указания, мы действительно укрепим контроль. Необходима связь между нашими ндринами.

– Только не говори, что кому-то из нас придётся жениться на одной из его дочерей, – сказал Данте.

– Думаю, на очереди я, Данте, так что твой член пока что может наслаждаться свободой. Если ты, Микеле, намекаешь на меня, то иди ты на хрен. Я не женюсь.

Я не рассказывал братьям о той небольшой истории с Джеммой, зная, что Микеле, как всегда, оборвал бы моё ве-

селье. Жуткий зануда.

– Наверняка Чезаре будет настаивать на ком-то из нашей семьи. Он не отдаст свою дочь за кого-то из меньших. Он наш двоюродный дядя, мы подыщем для его дочери достойного кандидата. Думаю, Пьетро Конте подойдёт на эту роль. Я поставил его на должность босса в Калабрии из-за его жёсткого характера.

– Мне всё равно, кто это будет, но я не хочу жениться на зазнайке из Штатов. Ты видел их семью? – засмеялся я. – Чёртовы пижоны, стоит нам захотеть, и мы раздавим их как мух.

Я и Данте переглянулись, смеясь.

– Но мы не сделаем этого, нам нужен мир в семьях. Пока они берут и продвигают наш товар, вопросов не будет, а сливание семей даст свои положительные плоды. Они не посмеют отказаться, зная, что за этим последует, это их грёбаный шанс на оптимизацию.

– Не посмеют. Когда ты сообщишь Пьетро о своём решении? – спросил Данте.

– После того как мы полностью наладим поставки.

Мой телефон завибрировал.

– Дженаро звонит. Слушаю, Дженаро. Какого хрена он делает? Я сейчас приеду.

– Какие проблемы, Тони? – спросил Микеле.

– Небольшая потасовка на точке возле старого квартала. Я разберусь.

– Данте, ты едешь вместе с Тони, разберитесь с этим. Иногда эти ублюдки забывают, кто их кормит. Завтра из Стамбула возвращается Даниэле, встретим его, он нужен нам сейчас.

– Отлично, давно не видел эту задницу.

– Наше сотрудничество с кланом Шахинов продолжается уже несколько лет, и Даниэле хорошо справляется с этой работой, но сейчас он нужен нам здесь против русских.

Я встал, больше не в силах сидеть на месте.

– Что ты хочешь сделать, Микеле? Мы нападём на долбанных Братских? Я бы с радостью отрезал Виталию пару конечностей и искупался в его криках.

– На этот раз я не останусь с Рикардо вместо того, чтобы участвовать в сумасшедшей ебле по уничтожению Морозова.

– Не волнуйся, Данте, в этот раз мы все будем участвовать в этом. Только я люблю действовать не на эмоциях, как ты и Тони, а продумав все варианты и последствия.

– Если мы сейчас не будем действовать, Виталий может укрепиться на своём месте. Я ни хрена не хочу делиться Римом с этим ублюдком.

– Тони, ты слишком эмоциональный, пойди трахни пару шлюх и успокойся. Я лично предоставлю вам возможность прикончить его, но с умом. Мы заберём у него всё, что осталось от его отца.

– Для начала я разберусь с тем, кто не может контролиро-

вать точку, а затем трахну пару шлюх, не волнуйся, это ты у нас женатый человек, – я улыбнулся своей акульей улыбкой, зная, что брата это бесит.

– Он просто злится, что у него нет такой сексапильной жены, как у тебя, Микеле.

– Если вы оба закончили обсуждение моей жены и меня, то проваливайте, и Данте, чтобы я не слышал больше такого про Изабеллу.

– Ты стал скучным, Микеле, – засмеялся Данте. – Она – наша семья.

Я и Данте выехали на точку, где ублюдок Леонардо, который толкает нашу дурь, был недоволен своей долей. Старый квартал был пуст, и только небольшая толпа стояла возле входа.

– Чёртовы наркоманы, – усмехнулся Данте.

– Их зависимость приносит нам хорошие деньги, Данте. Дурь – деньги, деньги – дурь, сечёшь? Семантика.

– И снова пошёл ты, Тони, – пробубнил он.

Наконец Данте припарковался на своём оранжевом апельсине.

– Синьор Тони, синьор Данте, я ждал вас.

Дженаро Сантини давно работал на нас, толкая наш товар по всему городу.

– Где этот придурок?

– Он внутри, синьор Антонио, он недоволен своей долей от продаж.

– Хорошо, ты подожди снаружи и займи тех людей, которые ждут свой товар. Мы поговорим с ним.

– Слушаюсь, босс.

Мы зашли в старое здание, куда приходили наркоманы за своей очередной дозой, тут же наверху была и наша бухгалтерия.

– Тони, не убивай его сразу, – усмехнулся Данте.

– Всегда одни и те же просьбы, братик: «Тони, не убивай, Тони, не надо».

– Потому что ты режешь без разбора кого только можно, потом приходится разгребать всё это дерьмо. Или хотя бы делай это аккуратней, перестань забрызгивать всё вокруг. Я ненавижу пачкаться.

– Это можешь сделать и ты в следующий раз.

– Договорились.

Мы зашли в главное помещение, где сидел этот идиот.

– Эй, Лео, – я позвал ублюдка, что навёл беспорядок.

– Синьор Тони, Данте, я не думал, что вы приедете лично.

В его глазах поселился страх.

Данте закрыл двери на ключ, чтобы малыш Лео не мог сбежать.

Он привстал из-за стола.

– Тише-тише. Присядь, ты ведь никуда не торопишься?

Он медленно опустился на своё место.

– Я... Я всего лишь хотел поговорить насчёт моей доли.

Я взял стул и поставил его напротив. Закинув ноги на

стол, за которым сидел ублюдок, я прикусил сигарету зубами и подмигнул ему. Данте сел рядом на край стола, скрестив руки на груди.

– Говорят, что ты устроил шумиху, распространяя слухи, что мы мало платим своему наркодилеру.

Данте приблизился к нему, улыбаясь.

– Это правда?

Лео занервничал, смотря то на меня, то на Данте.

– Д-да. То есть нет! Я просто разговаривал с Дженаро, видимо, он неправильно донёс до вас, я хотел...

– Ну конечно, он и ещё десятки людей.

Я резко опустил ноги на пол, и он дёрнулся в панике.

Данте схватил его за плечи, крепко держа его на месте и вжимая в стул.

– Давай поиграем с тобой в одну интересную игру.

– И-и-игру?

– Да, игру, ты любишь играть, Лео?

Он посмотрел на Данте, затем снова на меня.

– Д-да.

Данте усмехнулся.

– Тогда приступим.

Я положил сигарету на стол и улыбнулся, доставая свой калабрийский нож, сверкая идеально острым лезвием перед его лицом.

– Данте, руку.

Данте схватил его руку, растопыривая его пальцы.

– Нет, прошу, не надо, я не хотел расстраивать вас. Синьор Тони, пожалуйста.

– Игра простая, и правила просты, она называется «Нож и пальцы». Я буду задавать тебе вопросы, а ты отвечай, но только отвечай правду, это важно. Всё понял?

Он нервно кивнул, его рука затряслась.

– Ну-ну, если ты будешь так трясти рукой, мы закончим, даже не начав, и я расстроюсь. Ты же не хочешь меня расстраивать?

– Н-нет.

– Отлично.

Я приступил к игре, начиная попадать остриём ножа в пространство между его пальцами.

– Скажи, Леонардо, правда, что у тебя благодаря нам есть дорогая квартира и дом?

– Да, – быстро ответил он.

– И дорогая машина?

Я смотрел ему в глаза, играя в игру и чувствуя расстояние лезвия от его пальцев на внутреннем уровне.

– Да!

– И твоя шляха одевается в лучших бутиках Милана?

– Да, синьор.

– А правда ли, что ты всё ещё недоволен нашей платой тебе?

Он затрясся.

– Н-нет.

Я изо всей силы воткнул нож ему в руку, прибывая её словно на гвоздь, но не задевая сухожилия. Он закричал как сумасшедший, Данте усмехнулся, продолжая удерживать его на месте.

– Прошу, помогите, помогите, моя рука!

Он кричал как кусок дерьма, кровь сочилась из его руки.

Я привстал и наклонился к нему, глядя прямо в глаза.

– А теперь, когда ещё раз захочешь что-то сказать против моей семьи, я воткну этот нож не в твою жалкую руку, а в твоё гребаное сердце, ублюдок! Все понял?

– Да! Да! Клянусь, клянусь вам!

Взяв сигарету, я затянутая как следует.

– Молодец, Лео, – я вытащил нож из его руки, и он прижал её к себе, согнувшись.

– Давай, Леонардо, удачи тебе, – Данте похлопал его по плечу, и мы вышли на улицу.

Я позвонил Дженаро.

– Синьор Тони.

– Больше проблем с Леонардо быть не должно, но если этот идиот снова что-то натворит, заказывай ему похоронную службу.

– Спасибо, синьор Тони, синьор Данте.

– Не стоит благодарностей, хорошо выполняй свою работу.

Мы сели в машину и выехали в город.

– Куда теперь? – спросил Данте, врубая громко музыку и

мча по городским улицам.

– Ну, на твоей машине или на детский утренник, или в наш клуб, там тебе никто не скажет, какая отстойная у тебя тачка, братик.

– Пошёл ты, Тони, девочкам моя машина нравится. Это Lamborghini!

Я посмотрел в окно и заметил знакомую сладкую задницу, которая плавно двигалась в сторону миланской школы искусств.

– Не сомневаюсь, Данте, – медленно протянул я, всматриваясь в хорошо очерченные формы Софии. Она здесь учится?

– Притормози, Данте, дальше поезжай один и жди меня в клубе.

– Что случилось?

– Ничего, есть одно дело, не волнуйся за меня, мамочка!

– Не поубивай никого, красавчик.

Я подмигнул ему и вышел из машины, направляясь в эту школу для особо блаженных.

– Молодой человек, у вас есть пропуск?

Старый охранник школы притормозил меня. Я развернулся к нему лицом и улыбнулся во все зубы:

– Добрый вечер, синьор... – я посмотрел на его бейджик, читая имя: – Синьор Андреа, как ваши дела?

– Мои-то в порядке, сынок, а вот что здесь забыл ты? Не припомню тебя.

– Нет? А как же тот самый балетный класс? Я просто забыл свою пачку дома, пропустите без формы?

– Что? – старик приспустил свои очки на нос.

Я выдохнул, не хотелось пугать старика, но по-другому не получится. Я прислонил свою руку с отметкой нашей организации к стеклу, зная, что о ней с детства знал каждый взрослый и каждый ребёнок Италии. Мамы и папы ещё с пелёнок рассказывали своим деткам сказки о плохих мальчиках с ожогами на руке.

– Это мой пропуск.

Старик побледнел:

– Определённо...

Я уже собрался уходить, как он сказал:

– Там занимается одна девушка, она тоже из ваших, вы к ней? Она хорошая девушка.

Я поднёс палец ко рту:

– Только ш-ш-ш... Где же она?

– В конце здания, второе крыло.

Я зашёл внутрь и оглядел большой холл. Впечатляет, хорошая школа для богатеньких блаженных деток. Дойдя до места назначения, я оказался перед большой деревянной дверью, на ней было написано: «Воздушные танцы». Я улыбнулся. Да неужели, наша малышка танцует? Я тихо приоткрыл дверь, стараясь сделать это как можно бесшумней. Играла громкая музыка, и я сумел лицезреть нашу малышку Софию во всей красе. Её красивое тело было обтянуто ка-

ким-то куском тряпки телесного цвета, казалось, что на ней вообще нет одежды и она полностью голая. Прилив тепла пробежал к моему паху.

Я тихо встал так, чтобы она меня не видела, и продолжил наблюдать за ней. Она разминалась, делая наклоны в сторону, затем вниз, выставляя напоказ свой охрнительный упругий зад. Сейчас я мог разглядеть всё, что было нужно, и, честно говоря, меня это впечатлило. Затем она взяла в руки какие-то полотна и одним движением вверх ловко взобралась на них, делая разные трюки под музыку. Чёрт, каждый раз, когда она раздвигала ноги, мой член болезненно реагировал, и я больше не мог сдерживаться, глядя на её потрясающе гибкое тело.

Для начала я выключил свет, погружая всё в темноту, а затем приглушил музыку.

Я стоял и наблюдал за её испуганными глазами, сейчас она казалась мне ещё аппетитней. Совершенно прекрасное создание, такая чистая и невинная. Я просто не могу оставить её такой, слишком поздно для этого. Малышка обречена.

Глава 7

София

Не будь побеждён злом, но побеждай зло добром.

Рим. 12:21

Я испугалась резкой темноты. Что происходит, неужели отключили электричество? Мне стало страшно, и когда звуки шагов донеслись до меня, я поняла, что здесь не одна:

– Андреа, это ты? – я тихо позвала нашего охранника, может, это был он, хотя Андреа знал, что я здесь, и что-то подсказывало мне, что это ни хрена не Андреа.

По моей спине прокатилось уже знакомое тепло. Меня бросило в жар, кровь прилила в голову, повышая давление.

– Нет, не может быть, – прошептала я.

– Очень даже может быть, – я запомнила этот глубокий голос, он эхом раздался у меня в голове, и я потрясла ею.

– Это все моё воображение, откуда ему знать, где я?

Знакомый смех Тони заполнил все вокруг, кружась по сторонам, эхом отталкиваясь от стен.

– Не стоит бояться меня, белочка.

Затем я увидела, как мощный высокий силуэт выходит из мрака, и на секунду мне показалось, что это дьявол во плоти. Я перекрестилась на всякий случай.

– Осталось только сказать «изыди» и достать большой се-

ребряный крест, – сказал он насмешливо.

Теперь, когда он полностью вышел на свет, который попадал от фонарей за окном, я смогла разглядеть его. Тони был одет в чёрные джинсы, белую футболку, его руки сегодня были обнажены, и я могла лицезреть все эти жуткие рисунки. Ужасные кричащие лица людей, кровь, боль, огонь и ужас был на его руках, изображения страшных клоунов, пожирающих людей, находились на тыльной стороне его ладоней. В моей голове промелькнула совершенно неожиданная и дикая мысль: как бы его руки смотрелись на моей талии? Еще ни разу мужчина не прикасался ко мне.

– Нравится? – он кивнул на свои руки, подходя всё ближе ко мне.

Я отступила на шаг назад. Моё дыхание билось где-то в горле вместе с сердцем.

– Что ты здесь делаешь? – это всё, что я смогла выдать.

– Очевидно, что проходил мимо.

– Как ты узнал, что я здесь?

– Случайно.

Я замолчала, не зная, что ещё спросить.

– Всё? Неужели твои вопросы закончились?

Я нашла спиной стену, ударяясь о холодный бетон. Антонио остановился в паре шагов от меня, без стеснения разглядывая моё тело и задерживая взгляд на груди.

– Что тебе нужно? – спокойно спросила я, стараясь не дышать слишком громко или тихо, но, похоже, у меня это пло-

хо получалось, мой голос дрожал, выдавая страх.

Антонио усмехнулся, делая шаг навстречу.

– Я всё думал, как там поживает малышка София. В прошлый раз я так и не довёл дело до конца, а я не люблю незавершенные дела.

Мое дыхание стало глубже от понимания того, о чём он говорит. Его чёрные глаза видели меня насквозь, хватая каждую мою эмоцию и впитывая её. Я снова почувствовала себя загнанной в угол.

Он поставил свои большие руки по обе стороны от меня, как в прошлый раз, блокируя меня и словно накрывая собой. От близости моего живота к его прессу у меня затряслись колени.

– Ты ведь не будешь угрожать мне тем, что закричишь, не так ли? Я тебе уже говорил, что могу сделать.

Он сосредоточил свой взгляд на моих губах, и уголки его губ слегка дрогнули. Внутри меня возникло странное, тёплое и приятное ощущение, которое тянулось от живота в самый низ, и я почувствовала, что, чёрт возьми, возбуждаюсь. О Мадонна! Только не это, только не с ним! Моё тело было предателем!

Он нагнулся немного ближе:

– Ты чувствуешь это, правда, малышка?

Я сглотнула:

– Ч-что? – еле слышно спросила я.

– Возбуждение, конечно же... Твоя киска наверняка уже

мокрая.

Он произнёс слово «киска» таким хриплым голосом, что кончики моих пальцев ног непроизвольно подогнулись, сдерживая моё нарастающее чувство возбуждения. Я покачала головой в отрицательном жесте.

Он усмехнулся:

– Не люблю, когда мне врут.

Запах его парфюма и лосьона после бритья проникал прямо в мою кровь, раскручивая тугой клубок внутри. Неожиданно мне захотелось сполна вдохнуть этот запах, словно это был самый приятный аромат во всём мире.

Его рука опустилась на мою талию, и я замерла. Кончик его большого пальца нашёл просвет между моими шортами и топом. Он мягко обвёл это место круговым движением, и это легкое прикосновение послало мощные разряды электричества по всему моему телу. Мои нервы скрутило в узел, а рот слегка приоткрылся в дыхании. Это было больше чем приятно. Его тело подавляло.

– У тебя такая нежная кожа, София.

Он наклонился ближе к моему уху, и его тёплое дыхание окутало меня. Я почувствовала, как мой центр сладко пульсирует. Мои ладони вжались в стену, ногти буквально впились в бетон.

– Тони, зачем ты это делаешь? – мой голос тоже стал немного хриплым. *Что? Как?*

Это было слишком неправильно. Слишком для меня.

– Потому что хочу.

Он так это сказал, будто когда он хотел что-то сделать, он это делал, и никто его даже спрашивать не имел права, тем более я. Он просто забирал что хотел.

Он снова посмотрел на мои приоткрытые губы, а затем резко впился в них своими губами, интенсивно и влажно. Он скользил по ним и облизывал, пробуя на вкус каждый сантиметр моего рта.

Тепло разлилось по моей груди, распространяясь до самого низа, мои нервы скрутило, а затем отпустило, давая крошечным огонькам растекаться и покалывать везде, где только возможно. Как только я сдалась и пошевелила своим языком, пробуя его собственный вкус, меня обдало ещё большим жаром. Я положила свои руки ему на грудь, слегка прижимая кончики пальцев, но этого было достаточно, чтобы почувствовать его жар. Обе его руки легли мне на талию, притягивая меня ближе и давая мне почувствовать его эрекцию на своем животе.

Мои соски болезненно затвердели, и когда они коснулись края его майки, невыносимо запылали от жара. Он двигался, интенсивно сжимая мою талию и притягивая к себе. Я хотела, чтобы он коснулся моих сосков, мне это было необходимо или, казалось, я сейчас просто взорвусь.

Его вкус и запах заполнили меня до краев, его рот пожирал мой в совершенно дикой манере, которая, как мне казалось, могла быть только у него. Его губы страстно ласкали

мои, посасывая и покусывая мою нижнюю губу. Мои глаза были закрыты от удовольствия, в то время как его оставались открытыми. Ему нравилось смотреть, что он со мной делает.

Он зарычал мне в рот, жёстче прижимая меня к стене, и я почувствовала, что ещё немного – и я просто взорвусь от нарастающего давления. Рука Тони медленно скользнула по моему животу, его рука, такая большая, грубая и тёплая. Затем он опустил её ниже, пока не оказался в моих трусиках. Моё сердце замерло, когда его пальцы раздвигали мои складки, попадая в самое сладкое место.

Я схватила его руку, отталкивая от себя, но он ещё сильнее прижал меня к стене и неодобрительно зарычал мне в рот. Мое сердце билось в груди, в горле, в животе, повсюду. Я чувствовала, это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Его запах и тепло накрывали меня как самое мягкое одеяло, когда его пальцы работали в нужном ритме.

Мои руки вцепились в его плечи, потому что я была готова разлететься в эту секунду на тысячи осколков, как самый хрупкий хрустальный бокал, разрешая ему выпивать себя до дна, это был вкус отравленной молитвы.

Его большой палец вырисовывал небольшие круги на моем клиторе, и я откинула голову назад, прервав поцелуй. Мне необходим был воздух.

Его рот переместился на мою шею, кусая и облизывая слишком интенсивно.

– Ты такая мокрая, малышка, хотел бы я попробовать тебя

сейчас на вкус.

От этих слов и работы его пальцев я почувствовала, что вот-вот взорвусь. Мой жар удовольствия всё сильнее и сильнее пульсировал внизу. Я прикусила губу, чтобы удержать стон.

– Кончай, малышка. Давай, ты же хочешь этого.

Он сказал мне это на ухо, словно змей, который шептал Еве в раю, предлагая вкусить тот самый запретный плод. Когда этого стало мало, змей проник в самое сердце удовольствия, распространяя свой яд по венам. Было уже слишком поздно останавливаться, я согласилась принять его.

Он снова поцеловал мои губы, облизывая и прикусывая мою нижнюю, продолжая двигать пальцами в самом приятном месте, раскручивая мой комок нервов.

Я больше не могла держаться и последовала его приказу, со стоном кончая и выдыхая ему в рот. Я покачивала бёдрами навстречу его руке. Оргазм был мощный, раньше я такого никогда не испытывала. Я опустила свой лоб на его грудь. Ещё несколько секунд я чувствовала остатки сладкой судороги. Моё дыхание было тяжелым.

Я почувствовала, как он вытащил свою руку, но не отпустил меня, придерживая второй рукой, чтобы я могла прийти в себя. Затем я подняла свои затуманенные от удовольствия глаза и посмотрела на него, находясь совершенно без сил.

Он поднял свои пальцы и поднёс ко рту, пробуя меня на вкус. Я не верила своим глазам.

– Действительно, ты очень сладкая.

Он улыбнулся клыками и отпустил меня, отступая на шаг назад, буквально упиваясь своей победой. Я наверняка стала очередной жертвой, которая не смогла устоять перед ним. Он победил.

Мои глаза расширились от осознания того, что я ему сейчас позволила. Это было то, с чем мне нельзя было играть. Я оттолкнулась от стены и рванула к двери, зацепив на самом выходе свою сумку, слыша ужасный смех Тони. Я пробежала мимо охраны, кинув Андреа ключи от зала. Мой бег был быстрым. О поверьте, я никогда в жизни так не бегала. Это стыд и сожаление несли меня на своих руках. Я бежала к своей машине, которая, чёрт подери, была припаркована в самом конце здания. Наконец добежав, я начала дёргать ручку. Блядь, она заперта, а ключей у меня, конечно же, нет, они остались в зале.

– Чёрт, я не могу туда вернуться, вдруг Антонио ещё там. Проклятье! – я пнула ногой колесо своего мини-джипа.

Слишком громкое дыхание обдало мою шею.

– Синьорина, вы заблудились?

Незнакомый мужской голос чертовски испугал меня. Я медленно развернулась, всё ещё тяжело дыша. Передо мной стоял мужчина лет тридцати, он был одет в джинсы, футболку и чёрную бейсболку, вид у него был весьма нетрезвый.

– Эм, нет, прошу прощения, я перепутала машину, мне нужно идти.

Я запаниковала и, развернувшись, зашагала вперёд, слыша, как шаги позади меня начинают ускоряться, я тоже ускорила, но идущий позади стал догонять меня. Я рванула со всех ног, не оглядываясь, в этот момент мне прилетел резкий удар по голове, он не вырубил меня, но я упала на колени, обдирая их в кровь.

– Отдай сумку, сука! – парень вырвал из моих рук спортивную сумку, и тут я увидела, как чья-то мощная рука схватила парня, оттаскивая в сторону.

Я привстала на ноги, голова сильно кружилась, но в моих глазах чётко отображались горящие от злости глаза Антонио. Он воткнул в живот парня нож по самую рукоять и провернул его внутри несколько раз, так, что алая кровь полилась изо рта парня, забрызгивая белоснежную майку Тони. Он смотрел ему в глаза, когда парень выпускал последний вздох.

Ужас поселился в моих глазах, когда я видела последний всхлип этого человека, затем его глаза застыли, тогда Тони вытащил свой нож, толкнув безжизненное тело на землю.

«Бах» – и он лежит на сырой земле.

Этот страх и ужас, который распространятся по моим венам, приковал меня к земле тяжёлым свинцом. Запах меди заполнил мой нос. Я подняла глаза и посмотрела на Антонио. Он стоял посреди темной улицы, весь в крови, с окровавленным ножом в руках, его ноздри раздувались от злости. Затем Антонио повернулся ко мне лицом, и я окончательно

убедилась, что он не человек, а дьявол. Он улыбнулся белоснежными клыками, весь забрызганный кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.